

Лучший роман об отношениях мужчины и женщины

Татьяна Веденская

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОЛШЕБНИК

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Татьяна Веденская

Обыкновенный волшебник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10829499

Веденская, Татьяна. Обыкновенный волшебник : роман: Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-73507-5

Аннотация

Отчаявшись найти ответ на вопрос «почему мне так не везет?», многие из нас предполагают: «Это сглаз!» Так и Василиса, испытав первые разочарования взрослой жизни, решает, что пора почистить ауру. По совету своей тетки она обращается за помощью в центр к целителю Страхову. Красивый, уверенный, образованный, он словно обладает необъяснимой властью над сознанием Василисы. Девушка не может выскользнуть из-под его чар.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	37
Глава 4	55
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Татьяна Веденская

Обыкновенный волшебник

Особая благодарность Анастасии и Игорю Саенко за помощь в подготовке книги.

В реальном мире достаточно поводов для благоговейного изумления.

Карл Эдвард Саган

Синдром истинно верующего заслуживает научного исследования.

М. Ламар Кин

Все совпадения в книге случайны и были созданы ненамеренно. Все персонажи, процессы, организации и события, упомянутые в ней, – плод воображения автора.

© Саенко Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Надежда умирает последней. Моя корчилась долго – почти четыре дня. Агония случилась в пятницу после обеда, и кто бы спорил, что быть не может худшего момента для разговора с начальником. К тому же за окном моросил дождик, усыпляя всех и вся вокруг и добавляя миру в целом какой-то беспросветности. Еще вчера над Москвой светило солнце. Не ахти какое, конечно, – от нашего столичного солнца многого-то не ждешь, но все-таки лето. Случаются чудеса. Небо, птички, четверг – вчера был как раз «тот самый» момент, чтобы решать вопросы. И этот момент был безвозвратно упущен.

Мой начальник, Игорь Борисович, был занят во вторник, встречался с учеными из какой-то академии, в среду он тоже, соответственно, не смог меня принять – у него болела голова после встречи с учеными, и его секретарша настоятельно не рекомендовала его тревожить. Ничего хорошего с такой головой он все равно не надумает. И я с этим согласилась.

В четверг я просидела в приемной четыре с половиной часа, благо у нас в редакции скоростной Интернет – всегда можно с пользой провести время. Ожидание не привело ни к чему. Игорь Борисович просто не появился – и не отзвонился тоже. А чего такого, перед кем начальству отчитываться?

Признаться, я разозлилась. Шла домой, в общагу, и пина-

ла пустую банку из-под пива. Какого черта? Что он о себе возомнил? Или он считает, что мне некуда пристроить четыре с половиной часа? По правде сказать, впервые за пять лет я действительно не совсем хорошо понимала, чем мне заняться. Или, скорее, что мне делать дальше. Со своей взрослой жизнью, я имею в виду.

Взрослой я себя не чувствовала, скорее – потеряшкой. К тому же вся неделя выдалась такой, словно мне черная кошка дорогу перебежала или просыпалась соль. Но я вообще-то соль почти не ем. Что касается кошек, то да, у нас в общежитии их много. Плодятся и размножаются в подвалах, к нашей радости, к ненависти коменданта. С кошками я дружу – даже с черными. Я против расизма, особенно кошачьего.

В пятницу утром я позвонила Игорю Борисовичу еще раз, чтобы уточнить, стоит ли мне сегодня приезжать в офис. Игорь Борисович ответил положительно и удивленно спросил, почему я не подошла к нему раньше. Зачем, мол, я отложила разговор на пятницу?! Мое изумление было сравнимо только с бешенством. Если бы не удивление, уж я бы ему ответила. Но оно буквально лишило меня дара речи. Бешенство я, в надежде на лучшее, постаралась в себе подавить.

– Во сколько мне лучше подъехать? – вкрадчиво спросила я, втайне жалея, что не включила диктофон, чтобы записать наш разговор. А то ведь потом и от этого открестится.

– Давай до обеда, а то я хотел пораньше... В смысле, в одно место заехать, по работе, – поправился Игорь Борисович,

считающий своей священной обязанностью поддерживать в нас всех уверенность в его тотальной занятости не чем-то там таким, а исключительно делами. Работает – и нам велит.

Работать, работать и еще раз работать, а также «учиться, учиться и еще раз учиться» – как завещал великий Ленин. Впрочем, говорил он это или нет – большой вопрос. Исторические источники сомнительные. Большая часть того, что мы знаем о Ленине, поведали нам уже после его смерти. Преимущественно госпожа Крупская. Что ж, примем на веру и добавим, что я уже давно готова работать. Мечтаю работать! Четвертый день сижу в приемной Игоря Борисовича в надежде на то, что смогу реализовать наконец свое право на труд, причем именно там, где мне хочется, и на условиях штатного корреспондента.

Признаться честно, я задолбалась учиться. Ничего личного – просто... пяти лет вполне достаточно, не так ли? Напряжение последнего семестра изверглось в виде моих злости и несправедливого раздражения на всех и вся, а потом на меня обрушился поток госов¹, и, как следствие, нам были выданы дипломы, о которых столько говорили. Диплом постоял на подоконнике, был должным образом обмыт – тем более мой, красный.

А потом все вдруг затихло. Столько шума из ничего – бумажка и бумажка. Сейчас этот документ лежал у меня в де-

¹ Госы – государственные экзамены, сдаваемые при выпуске из института.

ловом портфеле – большом, рыжем, почти кожаном. Замечено, что человек вызывает уважение, если у него в руках объемистый чемодан, набитый бумагами. Что ж, я хожу на важные встречи с моим рыжим чудовищем. Туда хорошо помещается мой маленький портативный ноутбук. Чемодан оттягивает мне плечо, но придает уверенности в себе. Даже сейчас я невольно хватаюсь за его упругие бока. При моем маленьком росте это важно.

– Васют, может, лучше в понедельник? – зевнула Леночка, секретарша Игоря Борисовича. Я жалобно всхлипнула. Очень уж нужна была эта работа. Игорь Борисович держал меня на внештатных позициях уже год – затыкал мною всевозможные дыры, посылал на Кудыкину гору (в Липецкую область, например), чтобы проверила там факт незаконного вывоза навоза из совхоза, ввоз комбикормов.

– Я его дождусь.

– Он говорил, что уедет рано.

– А он точно знает, что я здесь? – в сотый раз уточнила я. Леночка обреченно кивнула. Все он знал и даже видел меня, когда выходил в туалет. Даже кивнул мне так, словно вот-вот уже освободится и примет меня. Что, мол, так занят, так занят – не передать словами.

– Он тебя обязательно возьмет в штат, – заверила меня секретарша, вставая со своего места. Добрая, но не слишком трудолюбивая, из-за чего до нашего офиса зачастую ни черта не дозвонишься. Теряет записки и телефонные номера, ко-

которые записала на квадратиках из желтой бумаги. Нравится Игорю Борисовичу. А я – не очень. Во всяком случае, мне так кажется. Наверное, он меня не одобряет, а я отвечаю ему взаимностью. Но именно Игорь Борисович должен решать, попаду ли я в штат газеты, которую очень даже одобряю.

– Думаешь? – кивнула я, глядя с тоской на часы – половина пятого. У начальника просто не останется времени на то, чтобы принять меня в штат.

– Ну, он же обещал, – пожала плечами Леночка и ушла пить чай. Поразительно, сколько в некоторых людей влезает чаю за один рабочий день. Мы все сдаем деньги на чай-кофе, невзирая на то, кто в штате, а кто ходит без зарплаты и перебивается объедками с барского стола. Телефон на столе секретарши зазвонил, но на нее это не произвело никакого впечатления. Она ушла и не вернулась. Старомодный звон стоял в ушах, и я уже потянулась, чтобы ответить на звонок, когда дверь Игоря Борисовича открылась, и оттуда выглянул он сам – царь и бог собственной персоной со сморщившимся от недовольства лицом.

– Что это такое? Где Лена? – фыркнул он, глядя мне прямо в глаза. Только после этого до Игоря Борисовича дошло, что я, собственно, никакого отношения к ней не имею и отвечать не обязана. Он на секунду застыл, словно вспоминая на ходу, кто я такая, чего хочу и откуда тут взялась. Несколько секунд спустя шеф «родил» свою мысль, и мысль была подана мне в виде вопроса.

– А ты чего тут? Я же тебя до обеда ждал! – и дальше все. Аплодисменты, занавес, изумленные лица ошарашенной публики.

– Но я тут с двенадцати сижу! – против моей воли в голос прорвалось раздражение. Эмоции – ими не так-то легко управлять.

– Да? – озадаченно пробормотал он, после чего еще с полминуты раздумывал, глядя на меня. Прикидывал, видать, можно ли от меня как-то еще избавиться, и решил, что нет. Проще «убить». В смысле, принять.

И я была приглашена в святая святых. Главный редактор газеты «Новая Первая», а также соответствующего портала в Интернете, махнул рукою, и я впорхнула в его красиво обставленный кабинет. Газета, где я стажировалась, на самом деле не слишком новая, но и не старая, была заделана под шумок еще в девяносто восьмом несколькими небожителями из высших сфер. Им, небожителям, тогда понадобился свой рупор гласности в мутной воде российской демократии. Рупор носил и другие названия, пока не стал вдруг Новым и Первым – более чем сомнительное название.

Небожители со временем стали пользоваться рупором все реже и финансировали, соответственно, тоже как попало. Однако еще в начале нового тысячелетия у руля «Новой Первой» встал Игорь Борисович, который умудрился привести газету к весьма устойчивому финансовому благополу-

чию, умело используя умеренную долю желтизны (иногда и неумеренную) и постоянные скидки на рекламное пространство.

– Ну что, – добродушно начал он, поглядывая на часы. – Наша Василиса теперь дипломированный журналист?

– Вообще-то у меня красный диплом, – гордо ответила я и, не удержавшись, тут же предложила показать его Игорю Борисовичу. Благо рыжее чудовище-чемодан со мной.

– Верю, верю. Ну что ж, поздравляю! – продолжал кивать он.

– Спасибо, – благодарно кивала я в ответ. Повисла пауза. Она продолжалась с минуту и потом упала. Игорь Борисович откашлялся, прочистил, так сказать, горло перед очередной нелепостью.

– И что я могу для тебя сделать, Василиса? – Вопрос, прямо скажем, забавный. Иногда то, что говорит начальник, заставляет подозревать у него какой-то диагноз – к примеру, склероз. Может, если бы он попил что-то для улучшения мозгового кровообращения, какие-нибудь витамины, может, полегчало бы?

– Игорь Борисович, вы говорили, что возьмете меня в штат, когда я успешно окончу институт. Ну вот, я здесь! Диплом – краснее не бывает, – и я глупо улыбнулась. Да, конечно, никогда не следует припоминать начальникам их обещания. Не любят они этого, как кошки не любят воды. Шипят и царапаются. Игорь Борисович покачал головой, по его лицу

пробежала легкая тень.

– Обещал? Не помню.

– Но...

– Ладно, ладно! – Игорь Борисович не стал открывать кран с моими воплями, поднял руки и сдался сразу. – Обещал – значит обещал. И ты хочешь работать в «Новой Первой»?

– Я и так уже, считай, работаю почти год. Я написала больше двадцати статей.

– Знаю, знаю, – вздохнул Игорь Борисович. Потом еще помолчал, чтобы дать мне помучиться. Или чтобы подобрать слова. Впрочем, у таких, как он, слова всегда найдутся. – Ты понимаешь, Васюта, тут такое дело... Я буду говорить откровенно, ладно?

– Конечно, – пробормотала я, впрочем, без лишнего энтузиазма. Тон, которым говорил шеф, ясно давал понять – это не предвещает ничего хорошего.

– У тебя есть достоинства, Василиса. Ты трудолюбива, старательна, но... – вот оно – мое «но», куда же без него. Что же делать, что делать, стучало в моей голове. Или это просто давление поднялось от сидения в кресле столько часов подряд. Надо было сегодня не ходить к нему. Чувствовала же, что все это провалится. Черная полоса у меня. Какая-то порча или сглаз.

Я подумала про сглаз, и тут же за этим последовала другая

мысль – о том, что хорошо бы заехать Игорю Борисовичу в глаз. Подходящая была бы порча.

– Ты пока что еще не готова. Слишком молода, у тебя нет должного опыта. Люди не воспринимают тебя всерьез. Пока что твой уровень – это внештатный корреспондент.

– Но я... Что я делаю не так, по вашему мнению? – Я говорила тихо, потому что комок в горле мешал. Черт, как не вовремя. Надо учиться управлять эмоциями. А может, разрыдаться? Он же сейчас оставит меня без работы, подлец!

– Что ж, – он снова вздохнул так, как вздыхает любящий отец над непутевым чадом. – Я не думаю, что из тебя выйдет серьезный репортер. Ты не умеешь находить сенсации, не проявляешь инициативу, в основном пишешь о каких-то незначительных событиях.

– Но вы же сами меня на них посылаете, – изумилась я. Нет, не помогут ему болюсы. – На навоз, на пенсионеров.

– Конечно! Конечно, посылаю! – возмутился Игорь Борисович. – Даю тебе возможности проявить себя, но пока не вижу больших результатов. Понимаешь, Василиса, ты сама должна находить источники. У тебя должны быть серьезные связи, если ты хочешь работать в нашей газете. Ты должна быть знакома с политиками, бизнесменами, звездами. Обрести связи, оказаться на площади как раз тогда, когда там начинается революция. Взять интервью у нового Че Гевары. Но и это не главное.

– Не главное? – уставилась на него я. – А что же тогда

главное?

Игорь Борисович посмотрел на меня так, как смотрят на безнадежного пациента, говорить которому правду жестоко и при этом бесполезно.

– А главное – ты так и не научилась писать.

– Что? – окончательно взбесилась я. – Разве я плохо пишу?

– Неплохо, – скривился Игорь Борисович, – но и не хорошо. Так пишут сотни и тысячи журналистов, понимаешь? Так может любой. Да ты не обижайся, прислушайся лучше к моим советам. Ну, подожди, Василиса. Только не плачь, пожалуйста.

– Иными словами, вы меня не берете, – переспросила я, стараясь подавить предательскую дрожь в голосе. Игорь Борисович остановился и посмотрел мне в глаза, грозившие наполниться слезами.

– Не беру. Красный диплом – это ерунда. Тут настоящая жизнь, а не ваша школа. Поработай еще, там посмотрим. В тебе есть определенный потенциал, но ты должна понять, как «глубока кроличья нора». – Игорь Борисович – большой фанат трилогии «Матрица». Он всерьез уверен, что все мы на самом деле спим в матрице. Еще он верит, что пирамиды в Египте построили наши далекие предки-инопланетяне. Но все это вовсе не мешает ему оставаться изрядным козлом. Даже в матрице!

– Я ему докажу! Докажу, что он – последняя сволочь. Я его... – всхлипывала я, сидя в почти уже пустой комнате Пашки. Он сидел рядом и поглаживал меня по спине. Мой бойфренд. Человек, к которому я прибегала все пять лет, чтобы пожаловаться и поплакать. А в последний год и для того, чтобы целоваться – мне нравилось с ним быть. Но не сегодня, конечно. Сейчас я была в печали.

– Шшшш, шшшш, – шипел Паша. – Все это – мелочи. Найдешь другую газету. У тебя хороший стиль.

– Ничего я не найду! – воскликнула я. – Потому что у меня черная полоса. Я уверена, что, куда бы ни пошла, меня везде пошлют куда подальше.

– Ну какая черная полоса? Один больной на голову мужик, вот и все. Не бери в голову, Васенька, серьезно! Лучше отвлечись от этого всего. Собери вещи, к примеру. Я тебе коробки принес, они у вас в комнате, – аккуратно подбросил бомбу Пашка. Он, как всегда, уже все подготовил – организованный, собранный и все такое. Словом, пай-мальчик. Я-то еще и не начала собираться, все мысли были заняты этой чертовой работой. Вернее, ее отсутствием. Страшно сказать, на каких грошах редакция нашей газеты держит внештатников. Зарплата сотрудника газеты сразу сделала бы мою жизнь ярче и светлее.

– Почему мне так не везет? Может, со мной что-то не так? – пожалала плечами я, проигнорировав идею о сборах.

– Даже если не везет – не бери в голову. Пусть сейчас черная полоса, а потом ведь будет белая, пушистая, – усмехнулся Пашка, подбрасывая в руках скомканный кусок газеты. «Новой Первой», кстати. Витька-сосед уже съехал, его кровать стояла даже без матраса. Запустение угнетало. Мы все тянули, ждали, пока определюсь с работой. У нас обоих было всего десять дней после выдачи дипломов, чтобы съехать из места, которое мы называли домом последние пять лет. Теперь оставалось всего два дня. Правда, все знали, что с комендантом можно будет договориться, задержаться на недельку-другую. Я на это очень рассчитывала, а вот Пашка был категорически против. Спал и видел зажить взрослой самостоятельной жизнью. Мне иногда кажется, что он уже родился серьезным, вдумчивым и солидным. Был таким вот младенцем в твидовом костюме и с очками на носу. Впрочем, очков Пашка не носил.

– Может, правда, ничего во мне нет? Сенсации я не умею находить, скандалить не люблю! – ныла я. – Во всяком случае, не по работе.

– А знаешь, чего ты еще не умеешь делать? – усмехнулся Паша. – Сотни полезных вещей. Омлет не умеешь делать. Почерк у тебя ужасный. Не достаешь до форточки, не можешь ее открыть. Комаров боишься.

– Они могут переносить заразу.

– Еще ты врать слишком хорошо умеешь.

– Что? – совсем обиделась я. – Я вообще не умею врать.

– Еще как умеешь! Это я, если вру, сразу краснею, а глаза начинают блестеть. А вот эти твои голубые глаза никогда даже не моргнут! – Пашка притянул меня к себе и неловко чмокнул. Хотел в губы, но я отвернулась, и получилось куда-то в ухо. Я хмыкнула и щелкнула его по носу.

– Все понятно! Мои самые страшные беды – от моих голубых глаз. А я-то думала, что они – единственное, что во мне есть хорошего, – я встала и пошла по привычке в коридор ставить чайник. Но чайника не было, чайник и тостер были Витькиными, и он их забрал. Забыла.

– Ладно, черная полоса, давай лучше подумаем, что делать-то. Я нашел нам комнату, но ответ мы должны дать до вечера. Да и то нет гарантии, что ее удержат, – развел руками Пашка.

– Комната? – удивилась я. – Мы же говорили о квартире. Любая, пусть хоть самая маленькая и страшненькая.

– Квартиры за такие деньги сдают разве что в Дедовске! – прокричал Пашка из маленькой ванной, где он налил воды в литровую банку. В ход пошел его старый кипятильник, и мы все же получили чай. – Ты хочешь жить в Дедовске?

– Я даже не представляю, где это, – ухмыльнулась я. Пашка подошел ко мне, поставил на подоконник дымящуюся чашку и присел, просунув руки мне под футболку.

– Давай я покажу тебе, – прошептал он. Конечно, речь шла

не о Дедовске. У меня совсем не было настроения ко всем этим нежностям, к тому же это было странно – сидеть в совершенно пустой комнате: две кровати, одна даже без матраса, исцарапанный за пару столетий стол, подоконник с облупленной водоэмульсионной краской. Пустое, ничем не зашпаклеванное окно на одиннадцатом этаже – вся Москва как на ладони. И мы тоже как на ладони – два как бы взрослых человека, стоящие на пороге этой взрослой жизни. И мы не просто так сидим, мы пара. Мне повезло с Пашкой – что он вдруг по необъяснимым причинам влюбился в меня после стольких лет дружбы. У меня никогда не было большого количества поклонников. Говоря по правде, и маленького-то не было – так, несколько предложений, сделанных по пьяни или из-за отсутствия выбора. Пашка же никогда не заглядывался на меня – я была скорее маленьким боевым товарищем, собратом по оружию. Тем интереснее, как все изменилось в последний учебный год. Теперь мы, может быть, поженимся. Может быть, у нас будут дети.

– Ты хочешь детей? – спросила я просто так, чтобы позлить Пашку. Он моментально выдернул руки из-под моей футболки и уставился на меня. Пашка молчал, а я смотрела ему в глаза и улыбалась.

– Мы же говорили, что карьера – first². С чего бы это нам сейчас даже думать об этом? – запаниковал он. Я хихикнула.

– Отчего не подумать? Может, у меня вообще не получит-

² Первая, в первую очередь (анг.).

ся никакой карьеры. Зато вот смотри, мы сейчас переезжаем в квартиру...

– В комнату. Но зато в центре, недалеко от Чистых Прудов, – моментально переключился он. – Ты только представь, будем ходить завтракать в какую-нибудь кафешку, статьи там писать, совсем как Хемингуэй. По вечерам можно будет гулять по бульвару.

– Ага, – усмехнулась я. – Приходить мы будем поздно, а уходить рано, потому что раз эта комната такая дешевая, она должна быть просто непригодна к проживанию.

– Зато не надо будет больше никого просить ни о чем, она будет только нашей, – прошептал Пашка. Я усмехнулась. Наша личная жизнь была очень забавной в общаге – со всеми нашими соседями и соседками, которые свободно заходили за чаем, солью и сахаром и нисколько не смущались, заставляя нас в недвусмысленной позе под одеялом.

– Продолжайте, я на секундочку! – бросали они и продолжали, как ни в чем не бывало, копать в ящиках. Еще был наш комендант – поборник морали и спекулянт лампочками. Молодо-зелено, но было все же нечто увлекательное в том, чтобы пробираться к себе, стараясь не разбудить Витьку или мою соседку. Пашка прав, отдельная «наша» комната – это почти мечта.

Мы начали встречаться в этом сентябре, а почему – черт его знает. До этого учились вместе, сидели рядом, одалживали макароны и овсянку друг у друга. Пашка говорит, что

ему понадобилось четыре года, чтобы «разглядеть меня», но ведь до этого он не страдал в одиночестве. На первом курсе был влюблен в девочку с параллельного потока, на втором и третьем встречался с длинноногой Ольгой из нашей группы, а на четвертом зализывал раны своего истерзанного сердца. Ольга вышла замуж за нашего преподавателя зарубежной истории. А я Пашку утешала. Тогда, наверное, все и началось. До этого я не особо ему нравилась. Я знала. Женщины видят такие вещи, чувствуют. А тут бах – и все поменялось. Ночи напролет на общей кухне, разговоры по душам, планы на будущее и – да, любовь.

– А что будет с нами дальше? Работа в три смены? Однушка в ипотеку? Если в центре Москвы – мы за нее расплатимся, когда мне будет пора иметь внуков, – я расхохоталась и чуть не подавилась чаем. – Подработка левыми статьями? Прощай, Пулитцер, прощайте, мечты? Здравствуйте, будни? Мне надо попробовать себя в рекламных агентствах, писать копирайт и рекламные буклеты. Шансов больше, с моим-то красным дипломом.

В словах сквозили горечь и обида, и это было заметно невооруженным глазом, насколько тяжело я перенесла сегодняшний отказ. Вся моя жизнь – сплошная череда отказов, как явных, так и молчаливых, оставляющих тебя в неведении. Море писем, так и оставшихся без ответа. Куча сброшенных звонков.

– Такого с нами не случится! – заверил меня Пашка, за-

мотав головой. – У нас все будет по-другому, я обещаю.

– Но как? Как ты можешь мне такое обещать? Я хотела быть репортером, проводить журналистские расследования. А теперь пойду на любую работу, чтобы оплачивать комнату. Мы будем жить, как все! Видел ли ты людей вокруг? Видел ли ты, как все живут?

– Ну и как они живут?

– Каждый из них думал, что он никогда не будет жить как все. Не будет ругать судьбу, не будет кланяться перед начальником. Слышал бы ты меня сегодня. Да, Игорь Борисович. Нет, Игорь Борисович. Я постараюсь, Игорь Борисович. Разве так я должна себя вести? Я должна встать и сказать – вы, мой дорогой Игорь Борисович, просто врун несчастный. Вам меня выгодно в заштатных держать – статей больше, денег вчетверо меньше. И все такие – все экономят, рассказывают про кризис. А газета его – барахло. И редактор он тоже так себе. Мое интервью с адвокатом завернул!

– Это он зря сделал, хорошая была статья. А почему, кстати, он ее завернул?

– Сказал – людям такое читать скучно. А этот адвокат вытащил невиновного из тюрьмы. Неинтересно? Зато вчера Игорь Борисович выпустил статью про леших. Сказал, что рейтинги от таких статей растут. Слышишь – у них от леших рейтинги растут! – Резким движением я отставила кружку на подоконник, мутная вода от этого слегка расплескалась. Ну, ничего. Этот подоконник и не такое видал. Стерпит! Госпо-

ди, надо собирать вещи – мы перебираемся в какую-то комнату. Переезжаем, когда я даже не уверена, что хочу этого. Жизнь взрослого человека – одна сплошная ловушка. И врут все про то, что с годами многое становится легче. И нельзя делать то, чего хочется. А если становится можно – я видела и такое, – уже не очень-то и хочется.

– Ты куда? – окрикнул меня Паша, и я поймала себя на том, что стою в коридоре, зависнув около двери, как компьютер с вирусной программой. Я оглянулась, улыбнулась и пожала плечами.

– Пойду пройдуся. К тетке зайду, она звала, – и пошла дальше.

– Постой, а вещи? Когда ты их будешь собирать? – возмутился он.

О, только не это. Не надо говорить мне, что делать, особенно тогда, когда я совершенно не хочу это делать.

Глава 2

Тетя Люба, Любаша – мамина младшая сестра, а также и ее полная противоположность не только по характеру, но и по тому, как сложилась их жизнь. Мама прожила всю свою жизнь в Ярославле, отвергая саму идею переезда как противоестественную. Где родился – там и содился. Тетка переезжала всю жизнь, ее муж был военным. Тетя Люба вышла замуж за дядю Юру, когда он еще был лейтенантом, но на этом сходство с известной пословицей заканчивалось. Дядя Юра так и не стал генералом. Впрочем, отслужив, Любашин муж вернулся в квартиру своих родителей. Так, помогавшись по всей нашей бескрайней стране, пожив буквально везде, от Владивостока до Бреста, тетка неожиданно даже для себя оказалась не просто в Москве, но в ее центре, в доме с окнами на Белорусский вокзал. Свекор ее к тому времени уже умер, а недавно умерла и свекровь – царствие ей небесное.

Но не только географией была выражена эта разница между теткой и моей матерью. Люба была бездетной, а у мамы была я. Тетка всю свою жизнь, сколько она себя помнила, по ее же собственным словам, была замужем – мама не была никогда. Жизнь Любаши всегда бурлила, что-то вечно происходило, вечно новое – идеи, люди, праздники. Словом, движуха. Тетка всегда была очень общительной. Мама же люби-

ла уединение и покой. Иногда она говорила мне, что я пошла не в нее, а именно в сестру – и нравом, и внешностью. Хотя Любаша, напротив, всегда говорила, что буквально видит во мне свою молоденькую сестру. Мама тоже была крошечная, не больше наперстка, и ее тоже мало кто принимал в жизни всерьез.

Мама и тетка были настолько разными, что иногда казалось, будто они вообще-то никак не могут оказаться сестрами. Генетика причудлива. С теткой я всегда чувствовала себя раскованно, свободно – мы громко хохотали, как подружки. И пили красное вино, а она подмигивала мне и просила не говорить об этом маме. Мамы же мне просто очень не хватало. С ней рядом можно было просто сидеть и молчать и чувствовать себя совершенно, абсолютно счастливым человеком. Зато с теткой можно было говорить обо всем. И там, где мама только удивленно поднимала бровь, качала головой и вздыхала, Любаша меня понимала. Мама жила в полнейшей уверенности, что нам в этой жизни ровным счетом ничего не требуется, кроме того, что у нас и так есть. Крыша над головой, дубовая роща перед домом, тишина предрасветной Волги. Тетка была уверена, что из меня обязательно получится хороший журналист и что в жизни обязательно нужно к чему-то стремиться. Она меня вдохновляла. Вот и сейчас лицо маминой сестры расплылось в широчайшей улыбке Чеширского кота, стоило появиться на ее пороге, и мне моментально стало легче.

– Ого, кого я вижу. А я уж было подумала, что ты совсем зазналась после этого твоего красного диплома, – усмехнулась тетка, возникнув в дверном проеме в цветастом халате и с таким же цветастым кухонным полотенцем в руках. Моя мама была худенькой, Любаша – женщина в теле, регулярно борющаяся за то, чтобы каким-нибудь способом избавиться хоть от малой доли этого самого тела.

– Мы переезжаем, – уныло ответила я, все еще ощущая себя в самой гуще этой черной, похожей на деготь полосы.

– Куда? В преисподнюю? С таким лицом можно переезжать только туда, – усмехнулась тетка, впуская меня внутрь, в свои чертоги. Квартира требовала ремонта, еще когда был жив свекор, а теперь она буквально умоляла об этом, валяясь у тетки в ногах. Но та оставалась непреклонна: чиниться – так только за государственный счет. Не положено – значит, будем жить в том, что есть. А есть – море шкафов допотопного производства, обшарпанных от неимоверной старости – еще бабушкой/дедушкой купленных. Имелись половички и коврики в невероятном количестве, чтобы прикрывать истертый паркет. Была старая одежда – пальто, куртки, дубленки, – развешанные горами на желтых позолоченных вешалках. И было старинное зеркало в тяжелой раме, сквозь туманную дымку которого на меня смотрела крошечная лохматая брюнетка с яркими голубыми глазами и неправильными чертами лица, незнакомка из параллельного мира, странно похожая на меня.

– С таким выражением переезжают в коммуналку те, кому отказали в работе, выгоняют из общаги, и вообще все плохо! – высказалась я, насуспенная и нахохлившаяся сверх меры.

– К нам в гости бука приехала, – радостно хлопнула в ладоши Любаша. На восторженные крики из гостиной высунулся Юра, теткин муж. Высокий и, как и Любаша, толстый – он улыбнулся мне и кивнул.

– Привет студентам! – отсалютовал он. – Обмывать диплом будем?

– Тебе все бы обмывать, – тут же завелась тетка, грозясь на мужа кухонным полотенцем. Все это – и крики, и улыбки, и запах жареных котлет – было таким невыносимо домашним, уютным и нормальным, что только добавило пару лишних ведер в мою и без того глубокую пучину депрессии. Конечно, мы стали обмывать диплом. И нашелся недоеденный яблочный пирог, который тетка печет как заведенная круглый год, словно на Белорусской есть тайный канал неограниченного доступа к зеленым и кислым яблокам.

– Значит, закончила? – спросил дядя, крякнув после того, как заглотнул стопку, над которой я мучилась уже минут двадцать. – Совсем большая. И какова! Еще смеет быть недовольной! Все у тебя будет хорошо, ты молода, хороша, замуж выйдешь – и все, – утешал меня он.

– Да куда ей замуж, чего в нем, в замуже-то хорошего? – вступилась за меня Любаша, подкладывая пирога. Учитывая

тот факт, что фигурой я пошла в маму, пирогов я не боялась. Тетка часто рассказывала, что все детство и особенно в юности люто завидовала двум вещам: маминым фигуре и глазам – еще бы, красота какая. Когда я родилась, Любаша обрадовалась – такие глаза просто обязаны передаваться по наследству. Как раритет, как бабушкино кольцо – от дочери к дочери. Почему у самой тетки детей не было, неизвестно. То ли у нее, то ли у Юры что-то не сложилось, я не знаю. Никогда не спрашивала, неудобно было. Догадывалась, что тетка переживала жутко. Хотя бы даже по тому количеству платишек и кукол, которые она, не переставая, слала нам с мамой изо всех точек необъятной нашей родины. Зато у них с Юрой был кот Гарри, названный так в честь Поттера, конечно. Потому что волшебный – они любили его с неистовой силой. Толстый, как хозяева, и пушистый, теплый, точно грелка, Гарри лежал на моих коленях и урчал.

– Я замуж пока не хочу! – пробурчала я, вгрызаясь в пирог.

– Это еще почему? – возмутился Юра. – Что за девки нынче пошли, не хотят замуж. А чего ты хочешь? Этим быть... метросексуалом? Чего хорошего-то? Нужна семья, нужны дети. Все нужно. У тебя ж и парень вроде есть. Или он тебя не зовет замуж? Хочешь, я с ним поговорю?

Я тут же замотала головой, испуганная перспективой того, как мой дядька примется уговаривать Пашку на мне жениться.

– Да возьмет, никуда не денется. Наша Васюта – золото, а не человечек! – тут же вступилась за меня тетка. – И вообще, куда ей сейчас, какая семья? Пусть поживет для себя. Успеет еще чужие носки постирать.

– А ты что, со мной не счастлива? Разве я не мужчина твоей мечты? – искренне удивился Юра, подливая Любаше водочки. Судя по улыбке, раскрасившей румяное теткино лицо, она была счастлива. Я напряженно разглядывала их, пытаюсь вычислить, что такого есть между ними, невидимое и необъяснимое, толкающее их в объятия друг друга после стольких лет, проведенных в одной кровати, на одной кухне, в одних и тех же поездах. Я попыталась представить себя с Пашкой сидящих вот так же после тридцати лет, прожитых вместе в разных коммунальных квартирах. Нас с Пашкой и с котом.

Или с двумя детьми – сыном и дочкой. В халатах и с друзьями, приезжающими в гости по выходным. От картины веяло теплом и солнцем альпийских лугов. Я бы хотела этого в будущем, наверное. Чтобы все было размеренно, без особых сюрпризов. Пашка – небольшой мастер на сюрпризы. Да мне и не нужно цветов и колец, главное, чтобы надежный человек был рядом. Кто вообще сказал, что сюрпризы нужны для счастливой жизни. Последний сюрприз, который дядя Юра преподнес моей тетке, – это новость о язве, которую они до сих пор дружно лечат.

– Отстань ты от меня, алкоголик. Мужчина моей мечты, –

усмехнулась тетка, собирая со стола тарелки. Алкоголиком Юра вовсе не был, просто тетка придиралась к нему, как это вообще было принято в их поколении. Какое-то странное покровительственное и немного высокомерное отношение к мужчинам как к существам, за которыми надо обязательно присматривать. Без заботы о которых они пропадут совсем. Юра выпивал по праздникам или когда кто-то приходил в гости, но я никогда не видела его в том свинском состоянии, когда засыпаешь на полу в коридоре, утратив полнейшее представление о своем местоположении в пространстве и времени. В общежитии я такое видела.

– А ты знаешь, Васька, что твоя тетка заделалась верующей? – хмыкнул Юра. – Подалась в секту.

– Что? – вытаращилась я, совершенно неготовая к такому повороту событий.

– Какая, к черту, секта?! Это у вас в гараже секта, – тут же завелась Любаша. – Что бы еще понимал. Иди уже!

– На картах гадала, – прибавил Юра, ухмыляясь. – А давеча со свечами по дому бегала, корма чистила. Да. Любаш? Корма-то что – чистая теперь?

– Не корма, а карма! – фыркнула Любаша. – Ну и дурень.

– Нет никакой такой кармы, – фыркнул Юра, допивая остаток водки. Он предложил было его мне, но я так интенсивно замотала головой, что он допил все с чистой совестью. – Ладно, девочки, вы тут развлекайтесь дальше, а я спать пойду. Завтра работать.

– Спокойной ночи, – кивнула я, украдкой покосившись на часы. Половина одиннадцатого, ничего себе. Пашка, наверное, уже звереет от того, что я сбежала и где-то пропадаю. Ну и пусть звереет. Простит, никуда не денется. Это ему за комнату в коммуналке. А, впрочем, при том положении вещей, что существует, комната даже лучше. Денег меньше «съест», а денег у меня как раз очень мало. Мы с Пашкой все оплачиваем пополам, и мне предстоит еще понять, как и откуда брать свою половину.

– Ну что, рассказывай! – потребовала Любаша, проследив за тем, как грузная фигура мужчины ее мечты исчезает в коридоре за дверным проемом. – Что с тобой происходит?

– Не везет мне, вот что происходит. Черная полоса, – вздохнула я. – Наверное, тоже надо карму почистить.

– Ты не шути с этим, – предупредила тетка. – Юрка просто материалист, так уж его воспитывали в этой его армии. А я вот верю.

– Да я тоже верю, тетя Люб, – призналась я. – А как не верить. Меня как сглазили. Ничего не выходит, и никуда не берут. А на диплом они плевали. Кризис, им нужно, чтобы я на них бесплатно работала. А я не могу, мы с Пашкой переезжаем.

– А как у вас с ним вообще дела? – пристально исследует меня Любаша. Я отворачиваюсь, не зная, что сказать.

– Пашка – он рассудительный, надежный. И про коммуналку-то ведь он прав – нет у нас денег на квартиру. А жить

где-то на окраинах мы не можем, у нас беготни слишком много.

– А ты его любишь? – спросила вдруг тетка. Я вытаращилась на нее в удивлении. А что я, интересно, с ним делаю, если я его не люблю? А почему мы фактически живем вместе весь последний год?

– Ну да, конечно. У меня же нет никого ближе, – ответила я осторожно.

– Вот именно. Но это же не одно и то же. Ты подумай, что ты чувствуешь? Вот скажи, Пашка – твоя судьба? Ведь у всех есть судьба, понимаешь? – выступила вдруг Любаша, доставая из холодильника картонку с красным вином, ту, к которой снизу приделывают пластмассовый краник. – Будешь?

– Нет, я уже больше не могу пить. Но ты себе налей, тетя Люб.

– Ты какая-то усталая. Тебе надо заняться собой, – вздохнула тетка. – Может, тебе прическу сделать другую? – Я знаю, к чему она ведет. Мои вихры с трудом можно назвать прической, и она давно уже борется за то, чтобы я сделала хоть какую-то, но дело в том, что меня все устраивает. Какую бы я ни сделала прическу, это мне не поможет стать более привлекательной. А в стоге сена на голове есть свои преимущества – я могу спрятаться и почти не высовываться из него. Потом, длинные спутанные волосы – это очень по-творчески.

– А как ты карму-то чистишь, а? Теть Люб? – спросила я,

переводя тему. – Может, и мне поможет.

Тетка задумалась. Посмотрела на меня таким взглядом, словно просканировала меня сверху донизу. От ее взгляда аж мурашки по телу побежали.

– Ты что, мысли мои сейчас читаешь? – смутилась я.

– Мысли твои прочитать – небольшая проблема. У нас в центре такое многие могут. Если настроиться хорошо на твою волну. Нет, я просто смотрю... У нас сейчас будет семинар. Сияющая аура. Мне кажется, это прямо то, что тебе надо. Аура у тебя – не очень. Повреждена. – И Любаша провела по воздуху раскрытыми ладонями.

– Сияющая аура? – усмехнулась я. – Это что, гимнастика для ауры?

– Не смейся, ребенок. У нас, знаешь, из каких проблем народ вытаскивали?! Посмотришь – не поверишь. Да только я своими глазами... А черная полоса – это серьезно. И то, что ты, такая молодая и хорошенькая, в депрессии, тоже неправильно. Может, присосался кто. У меня, знаешь, тоже была черная полоса. Полгода назад миому нашли, кровотечение было. Ну и вообще, сама знаешь, какие дела были. Юрку чуть было не уволили – он начальника своего назвал прохиндеем, и тот буквально озверел. А потом оказалось, что это на нас навели! – тетка остановилась и посмотрела мне в глаза.

– Навели? – не поняла я. – Кого навели?

– Не кого, а что. Ну, можно сказать, что порчу. Только порча – это сказки, которые бабки придумывают. Правда,

не на пустом месте. Есть энергетическое воздействие. Сила мысли, которая может причинить вред. В общем, оказалось, что у нас тут одна соседка новая появилась в соседнем подъезде. Юрка на ее место машину ставил. А кто вообще сказал, что это ее место? Она, что, его купила? У нас тут коммунизм – кто первый встал, того и место. Ну, в общем, с ней поговорили – объяснили, что не надо колышки вбивать и цепочки вешать. Нет у нее таких прав. Она согласилась. И как-то, знаешь, исчезла. А потом это началось.

– Прямо после? – заинтересовалась я.

– Именно. Я и в голову не брала, она мне кто? Хожу себе и хожу. А она на меня то из окна посмотрит, то я выгляну – а она стоит около нашей машины. Я и внимания не обращала. Так бы и свела нас.

– И что ты сделала?

– Мне одна знакомая рассказала про наш центр. Ей там мужа от алкоголизма лечили, кстати, тоже помогло. Здесь недалеко, на Новослободской. Это не какие-то шарлатаны. Там и оздоровление есть, и медитации, и лекции серьезные. Ну вот, а я, как пришла, попала на прием к одному целителю. Очень сильный, это я тебе могу сама подтвердить. Он ко мне только прикоснулся и сразу увидел, что к нам вампир присосался.

– И что твой целитель сделал? – поинтересовалась я. Может, правда, ко мне кто-то присосался? Вдруг прямо даже сам Игорь Борисович? Тот еще вампирюга!

– Ты понимаешь, я ведь не могу тебе даже объяснить, что именно сделал целитель. Он на меня посмотрел, потом приложил ко лбу руку – я прямо чувствовала, как идет волна. Никогда такого со мной не было. Потом сразу увидел, что у меня по гинекологии проблемы, и сказал – у меня есть только три месяца, чтобы все решить. Я прооперировалась – теперь в полном порядке.

– Да ты что?! – вытаращилась я. – Так это он тебя на операцию отправил?

– Он, представляешь! – улыбнулась тетка. Я вспомнила этот момент, когда она сидела со мной на кухне и говорила, что придется ложиться на операцию. Всю жизнь Любаша боялась крови и любых медицинских манипуляций, а тут вдруг такая сговорчивость.

– А чего ты мне тогда не рассказывала?

– Знаешь, я тоже нормальный человек. Шарлатанов-то вон сколько. Любую газету откроешь, тебе и отворот, и приворот, и миллион долларов нагадают. Не слишком я в это верила. А доктор мне потом прямо сказал – хорошо, что вы пришли. Могла бы миома переродиться.

– Кошмар! – вздохнула я. – А как про эту вампиршу-то вы узнали?

– Так он мне и сказал.

– Целитель?

– Не просто сказал, он назвал ее приметы, все до единой правильные, и даже то, что ссора у нас была из-за машины.

И что теперь она на нас наводит негативные поля. Высасывает жизненную силу, медленно и методично. Я ведь нашла – у нас на лестнице была швейная булавка. Она положила. Жаль, у нас тут видеокамер не установлено – могли бы ее поймать с поличным. Впрочем, мне и так все ясно.

– Какая гадюка. Застрелить ее! – предложила я, и Любаша рассмеялась.

– Какое ж ты все еще дитё, Васька. Мы сходили в церковь, свечку поставили. А на семинаре этот самый целитель нам показал, как защиту от таких людей ставить. И ты не поверишь – все как рукой сняло.

– Она, что, уехала?

– Да не в этом же дело. Она теперь ничего не может нам сделать. Просто бессильна. Мы всегда сами кормим своих монстров – даем им доступ к своему подсознанию. Часто как раз через ссоры, ругань. А еще, хочешь посмеяться?

– Ну конечно?

– В общем, через месяц после того, как я защиту-то поставила, начальника Юркиного самого уволили, потому что прохиндей – он и есть прохиндей.

– А дорого? – спросила я вдруг. Тетка посмотрела на меня внимательнее.

– Дорого. То есть как посмотреть, но для тебя, наверное, дорого. Но я, ты знаешь, поговорю у нас, может, скидку дадут, – кивнула тетка с пониманием. Я пожала плечами. А что, вдруг этот целитель и впрямь поможет? Вообще-то мне

свойственно в такие вещи не очень-то верить. Вернее, я о них ни разу не задумывалась. Мама моя верила, и в Бога верила, и в чертей, и в русалок, и в излучение от сотовых телефонов. А мы с подружками только на картах гадали на суженых, это еще до моего отъезда в Москву было. Еще гороскопы могу почитать. Иногда сбываются. Но с целителями никогда не сталкивалась.

– Скидка – это очень хорошо. К ним купоны не продают, кстати? На сайтах разных?

– Про эти ваши сайты ничего сказать не могу. Я все узнаю и тебе позвоню. У нас вообще много девчонок твоего возраста – такие умнички. Йога есть еще. Семинары разные – на удачу, для устройства личной жизни.

– Слушай, классная штука. Может, я про ваш клуб статью забабахаяю? Интересная же тема! – Я выпалила это на одном дыхании. Профессионал во мне, видимо, работает на автопилоте и выискивает темы для пресловутых сенсаций. Уверена, что статья про магический клуб придется очень к месту в нашей «Новой Первой». Уж такое мы издание. А если они статью возьмут, может, они мне и оплатят семинар.

– Ну, конечно, – закивала тетка. – Об этом я и поговорю!

Глава 3

У московского лета вроде бы проснулась совесть – оно сподобилось выдать несколько совершенно чудесных солнечных дней подряд. Любые депрессии отступают, когда ты лежишь на траве в Александровском саду и шуришься от яркого света, нежишься в струящемся тепле от лучей нашей всенародно любимой звезды. Лежать и шуриться я могла сколько мне влезет – больше делать было совершенно нечего. После отказа в «Новой Первой» я продолжала купаться в ледяных волнах моей черной полосы. Я решила не отступать и попробовать пробиться в другое издание – желательно, такое, где смогу делать то, ради чего пошла в журналистику, – буду писать большие интересные статьи о важных вещах. Что ж, наивная чукотская девушка – как всегда.

Очередное собеседование закончилось фиаско, что меня лично уже не удивляло. Не везет так не везет. В редакции еженедельника «Бизнесмен», как мне показалось, вообще очень удивились моему визиту и тому факту, что я в принципе решила включить их в список моих потенциальных работодателей. HR-щик с недоумением просмотрел мое резюме, проигнорировал красный диплом (зачем он вообще мне нужен, интересно) и спросил, чего жду от нашей с ним встречи. Я принялась бубнить о том, что карьера репортера всегда была моей главной мечтой, что в институте много зани-

малась темой журналистских расследований, что могу быть полезна им в качестве если уж не корреспондента, то его помощника. Также умею варить кофе. Могу таскать пироги от тетки, если это станет условием получения места.

– А почему бы вам не выбрать для себя какое-то более «женское» издание? – после долгой паузы поинтересовался кадровик. – Кулинария, дом, психология – вот это для вас будет куда более уместно.

– Что вы имеете в виду? – сощурилась я. – У вас что, есть какие-то проблемы с женщинами-журналистами? Вы считаете, что мужчины способны на большее, чем женщины?

Кадровик немедленно замолчал. Опытный. Не хочет иметь претензий по поводу дискриминации, подлец. Обдумав хорошенько мой вопрос, кадровик наконец ответил, что женщин-журналистов он лично любит даже больше, чем афроамериканцев и таджикороссиян. Но предложить мне им все равно нечего, так как у меня не имеется буквально никакого опыта в сфере «серьезной» журналистики. А кофе у них аппарат варит.

Опыт в серьезной журналистике у меня действительно отсутствовал, так как под опытом подразумевалось наличие публикаций в «серьезных» изданиях – таких, как «Ведомости», «Российская газета», «Известия» или, еще лучше, «Moscow Times». Этого у меня не было, потому что статьи от внештатников они никогда не берут. Заметки в студенческой газете не в счет. Все, что печатала «Новая Первая», –

тем более.

Я перевернулась на живот, позволив солнцу вцепиться в мои оголенные плечи. Как же хорошо! Да пошли они все в пень, еще обо мне услышат. Пусть он мне не рассказывает о том, как любит женщин-журналистов. У них в редакции женщины встречаются только в отделе так называемой «культушки» – искусствоведы, театральные критики, литераторы. Никого в поле. Потому что это не женская работа, верно? И кому какое дело, что именно этой не женской работой я бы хотела заниматься!

Впрочем, сейчас я уже готова заниматься любой работой. Не ради искусства, а ради денег. Пашка уже увез три мои коробки в нашу коммуналку, потому что ему «все равно надо было догрузить такси». Делать нечего – я вздохнула и полезла в сумку за телефоном, звонить в теткин центр. Раз все остальное не работает, будем пускать в ход тяжелую артиллерию. Начнем колдовать.

– Добрый день, центр «Сила жизни», меня зовут Арина, чем могу помочь, – слова вылетали из трубки, как пули из пулемета «Максим». Та-та-та, ровные, чеканные, без паузы, не замедляясь.

– Здравсте, – пробормотала я, оторопев от напора.

– Слушаю вас! – услышав голос с обратной стороны, Арина стала говорить медленнее и нежнее. – Что вы хотели? Какая у вас проблема?

– У меня? Мне нужно записаться на семинар.

– На какой? – ласково ворковала Арина.

– Он, кажется, называется «Сияющая аура», – пробормотала я, испытывая почему-то смутное чувство стыда. Как будто виновата в том, что запустила вконец свою ауру. А людям теперь ее восстанавливать.

– Но запись на ауру уже закрыта. Семинар начинается завтра, все места заняты, – растерялась Арина. Я тоже растерялась, потому что к такому повороту событий не была готова.

– И что же делать? А когда следующий семинар?

– На ту же тему? – спросила Арина с отчаянием в голосе. – Ну что вы, это же семинар редкий, он у нас только раз в два месяца открывается. Теперь только в сентябре, не раньше.

– Ах, как жаль, – расстроилась я. Правда, расстроилась. Что же мне теперь, с плохой аурой жить дальше? – А тетя мне сказала, что меня возьмут.

– Тетя? – вспылала надеждой Арина. – А кто у вас тетя?

– Любовь Милютина. Она у вас тоже занимается, – пробормотала я. – Только на другом семинаре.

– Ах, да. Нашла! – обрадовалась Арина. – Подождите минуточку, я уточню.

– Не вопрос, – заверила ее я. Но кто же знал, что ее минуточка продлится все пятнадцать. Я лежала на траве, слушала, как музыка играет в моем телефоне, и злилась. Я тут за собственные деньги вам звоню! У меня, между прочим, их почти нет. Я без работы, у меня черная полоса. Сейчас, может, назовню вам тут больше, чем стоит пирожок с капустой.

А я бы в таком случае предпочла пирожок.

– Алло, вы еще там? – поинтересовалась Арина нежным голосом. Я вздрогнула. Уж больно неожиданно она появилась обратно в эфире.

– Тут. Я вообще-то с мобильного звоню, – недовольно пробормотала я. Арина проигнорировала это сообщение.

– Я обо всем договорилась. Вас возьмут! – радостно сообщила она, и мое раздражение улетучилось. Чего я тут бурчу вообще? Девушка работает, старается. Идет мне навстречу. Если бы наша Леночка в редакции была такой, у нас было бы втрое больше рекламодателей.

– Правда?! Супер! – обрадовалась я. Арина заверила меня, что все будет просто прекрасно, и записала меня.

– Вы тоже Милютина, да? – уточнила она.

– Нет-нет, я Ветрякова.

– Как-как?

– Василиса Ветрякова. Первое «В», как Василиса, – пояснила я, а то меня вечно то Петряковой, то Метряковой, то еще бог весть как записывают. Арина повторила – все правильно. Записала мой телефон и сообщила, что завтра на занятия нужно принести спортивную форму и бутылку чистой воды без газа. Я «порадовалась» – похоже на то, как мы ходили на физкультуру. Надеюсь, тут не заставят сдавать нормативы или бегать кросс.

– Ну что ж, ждем вас завтра. Оплату тогда завтра и проведем, да? У вас двадцать процентов скидка, – Арина воис-

тину приносила только благие вести.

Пашка, конечно, не одобрил. Мужчины, казалось, не сговариваясь, занимали идентичную позицию по отношению ко всему, что оказывалось выше их понимания. Как будто в них встроен какой-то код, отмечающий все лишнее как чушь и муть.

– Но я же не лезу в твои «танчики», – возмутилась я. – Какой у тебя уже уровень? Весь Интернет победил?

– Мои танчики – бесплатные, – возразил он. – А ты сливаешь наши деньги на всякую ерунду.

– Считай это моим журналистским расследованием, – обиделась я. – И не такие уж это большие деньги.

– Но мы могли бы купить нормальный письменный стол, – злился Пашка. Я пригляделась к нему повнимательнее. Говорят, чтобы узнать человека по-настоящему, с ним нужно съесть пуд соли. Мы с Пашкой свой пуд уже слопали в общаге, сто пудов. Однако иногда мне кажется, что я его совсем не знаю.

– Купим письменный стол потом, в следующий раз.

– Да черт с ним, со столом. Я волнуюсь за тебя, – Пашка взял меня за руку и посмотрел в глаза. – Что с тобой происходит? Ты что, правда, веришь в эту чушь?

– Ни в какую чушь я не верю. Просто хочу посмотреть. И написать статью, – пробормотала я, подумав, что в будущем нам следует поточнее разметить наши внутренние границы,

ведь сейчас Пашка явно зашел на мою территорию. Приперся – и топчется грязными башмаками по моим интересам.

– В таком случае почему за твой семинар не платит редакция? – скривился он. И тогда я встала и вышла из комнаты. Последняя ночь в общежитии, а я уже жалею о том, что согласилась съехаться? Уходя, на всякий пожарный случай хлопнула дверь. Эмоции не стоит сдерживать, но все же хлопнула я не слишком сильно. Был случай, когда эта дверь в аналогичный момент просто слетела с петель и упала на человека в коридоре.

Разозлившись на Пашку, я вышла раньше, чем надо, и дошла до этого центра пешком – пешие прогулки всегда меня успокаивали. В детстве в Ярославле мы с мамой очень часто бродили по городу, по набережным и разговаривали обо всем на свете. Она останавливалась, чтобы купить мне мороженое. Иногда, если погода была хорошей, такой, как сегодня, мы заворачивали в парк и катались на аттракционах.

Я почувствовала, как слезы наворачиваются на глаза от воспоминаний. Ярославль всегда был залит солнцем в моей памяти. За пять лет забылись все пасмурные дни. Если бы мама была здесь, в Москве, со мной, сейчас мы бы с ней обязательно пошли гулять. Но она никогда не была в Москве. А я подошла к длинному пятиэтажному зданию, оштукатуренному в розовый.

Психоезотерический центр «Сила жизни» располагался

на первом этаже жилого дома неподалеку от метро «Новослободская». У центра имелся отдельный вход, маленькое крылечко с навесом из кованой бронзы. Я позвонила – и домофон тут же зажужжал, пропуская меня внутрь. В небольшой прихожей на двух диванах и нескольких стульях расселись люди, в основном женщины. Имелась пара мужчин, но они как-то забились в углы. Женщин было много, они с трудом размещались на имеющихся сидячих местах. Многие возбужденно что-то обсуждали. Я оглянулась и нашла улыбающуюся девушку, сидящую за офисным столом. Секретарь махнула мне рукой, чтобы я проходила к ней.

– Вы на семинар? – спросила она дружелюбно, и я узнала ее голос.

– Да. А вы, наверное, Арина? Мы с вами вчера разговаривали, – напомнила я, оглядываясь по сторонам. На стенах прихожей висели какие-то дипломы, но больше всего было рисунков и фотографий, сделанных на занятиях, как я понимаю. Атмосфера царила самая что ни на есть непринужденная. Я обратила внимание, как одна из женщин встала с дивана, прошла к небольшой двери и открыла ее – за ней обнаружилась крошечная кухня. Кто-то присоединился к ней, достал из сумки пачку каких-то то ли конфет, то ли пастилы.

– Да, я помню, – усмехнулась девушка. – Василиса Ветрякова. Первое «В». Редкое имя.

– Это да, – кивнула я. – Мама дала.

– Красивое, как из сказки, – улыбнулась Арина, откры-

вая какую-то программу в компьютере. Она приняла у меня оплату, сказала пару слов о том, что за семинар это будет. Общие слова, ничего конкретного, кроме того, что наш гуру – уникальный человек, создатель самого метода восстановления ауры.

– Это тот, с кем работала моя тетя? – поинтересовалась я.

– Я не помню. Ах, да! Она же с ним и на семинар ходила, и работала приватно, а теперь вот снова идет. Целитель действительно потрясающий, – кивнула Арина. – Вам повезло, что он сам ведет семинар. Он сейчас очень занят. Так, я закончила. Посидите пока тут – зал еще не открыт. И гуру еще не приехал, так что можете тоже попить чаю, если хотите. Девочки вот тоже на ауру приехали, – Арина махнула рукой в сторону всех присутствующих здесь дам.

– Спасибо, – я кивнула и обернулась к «девочкам», которых тут стало еще больше – всех возрастов, самых разных телосложений и с разными выражениями лиц. В общей сложности человек двадцать. В этот момент в комнату зашла моя тетя. Она влетела, внося свойственную только ей суету и возбуждение.

Любаша бросилась обнимать меня, спрашивать, как я, как моя депрессия и черная полоса. Я пожаловалась на «Бизнесмен» за шовинизм. Тетка представила меня своим знакомым, с которыми она явно была знакома уже не первый день. И не первый семинар.

– Итак, ты готова? – спросила она. Я кивнула и потерла

вспотевшие ладошки.

– Я только не очень поняла, к чему.

– К внутренней гармонии, конечно! – заверила меня мамина сестра. – Ты в надежных руках.

– Расскажи мне про эти руки, а? – усмехнулась я. – Никак не могу справиться с ощущением, что все это – ошибка. А все вокруг кричат, что нам страшно повезло.

– Кричат, да? Ну что ж, не без повода. – Она принялась вдруг оглядываться, пока не нашла среди теперь уже толпящихся и стоящих без места людей. – Светик, привет! Ты как поживаешь?

– Любочка! – откликнулась на ее зов девушка лет двадцати трех, нежнейшее создание со светлой матовой кожей и сероватыми глазами. – Не могла пропустить ауру!

– Я тоже. Говорят, семинар потрясающий, – тетка радостно подлетела к Светлане, и они принялись обниматься-целоваться. Тут все обнимались и целовались, как будто были друг другу давно потерянными и теперь вот, неожиданно-негаданно, вновь обретенными родственниками. Кто-то сунул мне в руки чашку с чаем, а Любаша подвела ко мне Светлану.

– Вот, племянница моя Василиса. Между прочим, выпускница журфака! Я ее вот такой помню, – тут тетка показала руками, что когда-то я была размером примерно со щучку, пойманную нашим президентом. – А теперь вон какая вымахала! – Она оглядела меня и запоздало поняла, что контраст вышел так себе – не очень-то я и вымахала.

– Приятно познакомиться, – кивнула мне Светлана.

– Ну а как дела, вы с Пашкой переехали уже? – тетка поспешила загладить неловкость.

– Переезжаем в жуткую коммуналку. Не уверена, что выдержу жизнь там, но вариантов у меня нет. Придется научиться договариваться с тараканами, кому первому завтракать, – усмехнулась я.

– Ну, не хуже ведь, чем в вашей общаге, верно?

– Это как посмотреть, – вздохнула я.

– Какое красивое у вас имя, – улыбнулась мне Света.

– Мамочка дала, – гордо повторила я. Сколько раз мне это говорили, вы просто не представляете. Сейчас, правда, накал начал спадать. Старые имена вошли в новую моду, и теперь то и дело слышишь – Прасковья, Марфа, Евдокия. И никаких Анжел, что радует. Старые русские имена очень красивые, права была мама.

– Вот, Василиса интересуется, насколько хороши руки, в которые мы все попали, – усмехнулась тетка. – Я подумала, что лучше тебя никто не скажет, да?

– Ой, что вы! – выдохнула Светлана. – Наш Ярослав – настоящее чудо.

– Ярослав – это его имя? – потрясенно уточнила я. – Ну, надо же!

– Она же из Ярославля, – пояснила Любаша Светлане. – Ярослав. Ярославль.

– А, понятно, – кивнула Света. – Но она ничего не знает

о нем?

– Чего не знаю? – заинтересовалась я. Тетка покачала головой и поведала мне историю, поверить в которую, честно признаться, мне было очень и очень сложно. Такие истории вполне могут начинаться со слов «в тридевятом царстве, в тридесятом государстве».

– Ярослав – это имя нашему гуру дали в монастыре. Его подобрали на дороге, почти при смерти, семь лет назад. Привезли его посреди ночи, а была зима, и если бы не те мужики, Ярослав бы точно погиб. Но он выжил.

– Его Бог спас, – вставила Светлана. – Потому что это такой человек.

– И вы верите в это все? – удивилась я.

– Верим? – переглянулись тетка со Светланой. – О, ты что! Такой человек никогда бы не стал врать. К тому же он и сам страдает до сих пор. Ведь с тех пор он ничего о себе не помнит – ни настоящего имени, ничего.

– Надо же! – хмыкнула я, тут же представив себе, как такой материал будет смотреться в «Новой Первой». Господи, только бы он согласился дать интервью. Сенсаций вам? Ешьте, только не обляпайтесь.

– Вот именно – совсем ничего. Как будто все стерли! Нечисто! Монахи его выходили, дали имя и хотели, чтобы он там остался, – продолжала тетка, но Светлана ее перебила нежным голосом, полным какого-то очень сильного чувства – голый нерв.

– Он ведь уже там обнаружил свои способности. Конечно, они хотели, чтобы он остался. Но он сказал, что должен уйти к людям, – сказала Света. – Ты даже не думай, это вообще чудо, что он вот так просто принимает.

– Ну а эффект есть? Вино в воду превращает? – спросила я, не смогла сдержаться.

– Смеешься? – нахмурилась тетя Люба. Да и Светлана покачала головой.

– У меня вот всю жизнь была ужасная боязнь высоты. А наш офис переехал в Москву-Сити, представляешь, какая «ирония судьбы». На тридцать восьмой этаж. Думала уже увольняться. Я же даже живу на первом этаже из-за этого. Специально, чтобы не нервничать, попросила найти первый этаж, хотя риелторы говорили, что он самый непопулярный. А тут – на тридцать восьмом этаже, да еще добираться до места надо двумя лифтами.

– Помню, как Светка пришла к нам, – вклинилась тетя Люба. – Она рыдала в голос на сеансе. Ничего не могла поделать, хотела увольняться.

– Я в одном этом лифте жутком однажды от страха в обморок упала, – прошептала Света. – Целый день рыдала. А потом попала к Ярославу. Он положил мне на лоб руку – и все. Только сказал, что я должна определенные слова говорить перед тем, как войти в здание. Он исцелил мой страх! Забавно, да? – хмыкнула Света, и моя тетка кивнула.

– Целитель страхов, – пробормотала я, вспомнив, как тет-

ка называла своего целителя. – Звучит как рекламный слоган.

– Это было полгода назад, – добавила Любаша. – И все это время Светка там работает. Ох, что сказать, бывают в жизни чудеса. Так что он и есть – целитель страхов.

– Так, девочки! – встала из-за стола Арина. – Ярослав задерживается на десять минут, но сказал, чтобы вы шли в зал и переодевались пока.

Все засуетились, принялись искать сумки с формой, допивать наскоро чай, глотать печенюшки. Невооруженным глазом было видно, что все получают огромное удовольствие даже от самой встречи. Клуб по интересам в чистом виде. Я подхватила свой рюкзачок и встала рядом с теткой в большом зале с одной зеркальной стеной, сделанной наподобие балетного класса. У нас такие были в Ярославле, мама водила меня на бальные танцы, но я в них не преуспела, так как вообще-то никогда не была спортивной девочкой, зато любила поговорить с людьми. Тут, как говорится, все было совмещено в одном. И для здоровья польза – девушки деловито раскатывали коврики для йоги, потягивались, а кто-то разминался всерьез и по полной программе. А для души – все рассаживались устойчивыми кучками и продолжали разговор.

– Теть Люб, – прошептала я, склонившись в теткину сторону.

– Ой, ты только тут-то меня теткой не зови, – прошипела она мне в ответ. – Люба я, и все.

– Люб, слушай, как ты думаешь, этот ваш Ярослав мне интервью даст?

– А почему не даст? – пожала плечами она, натягивая через голову черное обтягивающее боди. – Если хорошо попросить. Но на самом деле он тебе его даст, если увидит, что от этого будет доброе дело, а не злое. Он, знаешь, такие вещи на раз вычисляет. Он вообще очень, очень интересный.

– Только вся эта история с амнезией какая-то стремная, – пожала плечами я. – Тебе так не кажется?

– Что стремного в амнезии? У моего мужа на работе одному из их охранников на голову упала плита строительная, так он выжил, но тоже ничего не помнил больше года. Да и до сих пор тещу не узнает! – хохотнула тетка. – Правда, в основном, когда она его просит ее рассаду на дачу отвезти. А если серьезно, я, тут пока побыла, поняла, с людьми всякое разное случается в жизни, чего хочешь можно ожидать. Так что я уже ничему не удивляюсь. Главное, он видит многое. И может тебе помочь. С работой твоей, опять же.

– Дай-то бог, – вздохнула я. И подумала, что отчасти согласна с теткой. Каково это, интересно, жить с ужасным страхом высоты? Когда от одной мысли о пропасти или о виде на город с крыши начинает подташнивать. И каково, когда рабочий офис вдруг перебирается с первого этажа на тридцать восьмой? Кошмар. Редакция «Новой Первой» засела на

девятом этаже, но мне лично на это наплевать. А если бы не было?

– Он, наверное, многое пережил? – спросила я, растянув свое тело на коврике. Гуру запаздывал, десять минут уже тоже прошли.

– Наверняка, – согласилась тетка. Я замолчала и закрыла глаза.

Это в любом случае хорошо для меня – отвлечься, пообщаться со старым мудрым человеком, который знает о жизни куда больше меня. Главный вопрос, который меня мучает, заключается в том, что я не уверена вообще, куда мне следует дальше идти. Правильный ли я выбрала путь? Не тот, который сейчас лежал передо мной, а в более глобальном смысле – ПУТЬ. Все мы так или иначе выбираем его. Переезжать или не переезжать в коммуналку, стоит ли нам с Пашей уже жить вместе или стоило бы подождать. Нужно ли мне биться за право заниматься суровой репортерской журналистикой или добить до конца нашего Игоря Борисовича. Рано или поздно он сломается – он уже привык полагаться на меня и распоряжаться мной. Ни одного выпуска не обходится без моих статей, а уж на сайте их висит вообще море. Многие мои статьи имеют неплохие рейтинги на нашем портале. И их уже много накопилось за год. Я помню их все, я коплю их в специальной папочке, делаю своеобразное портфолио. Надо только придумать, как убедить Игоря Борисовича в том,

что меня надо брать в штат – или я уйду в другие руки, с таким-то портфолио. Нужно будет кого-нибудь подговорить, чтобы набить себе цену.

Черт, почему я опять все свела к поиску работы? Нет, мне определенно есть о чем поговорить с этим целителем страхов. У меня этих боязней – чемодан.

– Вась! – окликнула меня тетка. – К слову об его амнезии. Я однажды видела Ярослава со священником, они по улице шли к метро.

– И что? – ухмыльнулась я. – Что это доказывает?

– А что опровергает? – покачала головой тетка. – Все бывает, и не такое. Сейчас в монастырях многим помогают. Могли и его принести.

– Но это же не сейчас было? Сколько этому вашему старцу лет? – спросила я. Тетка на секунду застыла так, словно мои слова невероятно шокировали ее. Затем она ткнула сидящую рядом Светлану в бедро и бросила, явно с трудом сдерживая смех:

– Слышишь, Василиса назвала нашего Страхова старцем! – И Светлана тоже рассмеялась ей в ответ. Я перевела взгляд с одной на другую и принялась требовать, чтобы они объяснили мне, чего такого смешного я сказала.

– А почему ты назвала его Страховым? – спросила я, осознавая, что, видимо, сижу с таким же ошарашенным и глупым лицом, как и у всех здесь.

– Да потому что это его фамилия, – прошептала мне тетка.

– Страхов? – вытаращилась я. Но тут дверь открылась, и объяснять мне ничего не пришлось. В комнату вошел целитель Ярослав Страхов – мужчина лет тридцати, в джинсах и с iPad в руках.

Глава 4

Громы и молнии, что ж это делается! Разве может так выглядеть целитель? Высокий, наверное, выше даже Пашки, в котором чистой высоты – сто восемьдесят пять сантиметров. Мы с Пашкой рядом смотримся буквально нелепо, как Гэндальф и хоббит Фродо. Ярослав, получается, еще выше.

Простые джинсы и какая-то невообразимая размахайка делают его похожим на хиппи, но лицо опровергает это предположение. Ни длинных волос, ни косичек вокруг головы, никаких фенечек. Средней длины волосы, челка чуть спадает на лоб. Растрепанный, но не неряшливый. Беззаботный, уверенный в себе и к тому же небрит, что придает ему несколько небрежный вид. Но щетина ему к лицу. К такому лицу вообще пойдет что угодно. С таким лицом, с такой рассеянной ласковой улыбкой, не обращенной к кому-то определенному и обращенной ко всем сразу, можно даже не быть целителем. Можно просто выйти в народ, раскинуть руки и позволить себя обожать.

Целитель проходит в глубь помещения, улыбается, извиняется за опоздание, ссылается на пробки. Забавно, что даже целители никуда не могут деться от этих московских пробок. Еще одна причина, почему мы с Пашкой решили снимать комнату в центре, а не квартиру на окраине. Пробки на улицах можно обойти, если ты идешь пешком. Пробки в метро

никуда не деть. Иногда даже войти в поезд невозможно.

Я оборачиваюсь на своих коллег по семинару. Лица девушек изменились до неузнаваемости, и теперь можно безошибочно сказать, зачем они здесь. Решить свои проблемы? Возможно, но не главное. Узнать что-то новое, набраться какой-то мудрости? И это вряд ли. Они здесь ради этого человека – Ярослава или как там его по-настоящему. Интересно, он действительно ничего не помнит или притворяется?

– Ну что, Василиса, как тебе наш старец? – прошептала мне тетка на ухо.

– Кажется, я уже чувствую себя лучше, – ухмыльнулась я, неосознанно поправляя спину, выпрямляясь в неестественную прямую линию. С этим невозможно справиться. Все без исключения «девочки» в комнате оживились и раздумались. Всем захотелось быть лучше, чем они есть на самом деле. Или хотя бы казаться.

Целитель Страхов сбросил с себя размахайку, быстрым изящным жестом скинул с себя ботинки и прошел в центр уже образованного нами круга. Еще когда мы только зашли, девочки расселись именно кружком, они, видимо, бывали на его прошлых семинарах. Босой, в футболке, целитель улыбнулся всем нам, и у меня по телу почему-то пробежали мурашки. Предчувствие? Сквозняк? Влияние теткиных слов?

– Мир вам! – тихо произнес Ярослав. Все не то чтобы молчали, все буквально замерли, стараясь не пропустить ни одного звука, ни одной ноты, пропетой нараспев этим густым,

теплым, почти бархатным баритоном. Хотелось спросить, что такого нужно сделать хорошего в нашей жизни, чтобы в следующей жизни реинкарнировать в такого вот мужчину.

– Я рад вам. Сегодня, здесь и сейчас мы будем вместе постигать священное знание древних индийцев. Это знание пронизывает время, оставаясь действенным и актуальным в любых обстоятельствах. Если у вас будут какие-то вопросы, задавайте, не стесняйтесь. Единственная просьба – не делайте это во время глубокой медитации. Этим вы можете потревожить тех, кто погрузился в измененное сознание. Ну, об этом мы еще будем говорить. А пока определимся с тем, как будет построена наша работа. Семинар занимает три вечера, опоздания не допускаются. Перед третьим вечером будет день очищения – нельзя будет есть, нужно будет целый день пить чистую воду. Желательно также провести день в медитации или хотя бы в покое. Третий вечер – самый глубокий, погружение достигнет предела.

– А куда погружаемся? – ляпнула я раньше, чем успела подумать, как неуместна тут моя вечная попытка иронизировать. Страхов замолчал. Он выпрямился, слегка повернул голову в мою сторону и буквально обжег меня взглядом. Затем он протянул руку, будто бы сканируя меня.

– У каждого здесь есть вопрос, ответ на который он ищет – в себе, вне себя, в прошлом или в будущем, но не может найти. У вас тоже есть такой вопрос, верно?

– Верно, – кивнула я, думая про свою черную полосу.

– И вы пытаетесь понять, что с вами не так, когда это началось и кто источник ваших проблем, – продолжил он, заставив меня вздрогнуть от точности тех мыслей, что крутились в моей голове, скрытые, как мне казалось, от посторонних глаз. – Но источник наших бед один. Он только принимает разные формы. Мы попробуем прикоснуться к источнику, поработать с ним. А теперь я объявляю первый брейк.

– Брейк? – пробормотала я, не в силах оторвать взгляд от темных глаз.

– Брейк – это короткий перерыв, в течение которого вы можете выходить из помещения, можете выпить воды, сходить в туалет или сделать что-то еще, что посчитаете нужным. К примеру, кому-то позвонить. В остальное время семинара вы выходить из помещения не можете.

– Совсем? – пробормотала я удивленно.

Ярослав снова вытянул вперед руку ладонью вперед и улыбнулся.

– Вам не стоит бояться. Вы новенькая, да?

– Да, – кивнула я, невольно улыбаясь в ответ. Вот оно, то, что люди называют харизмой. Я думала, что она – это то, чем обладает Жириновский, но это только оттого, что никогда раньше не встречала никого вроде целителя Страхова.

– Вы ко всему привыкнете. Это нужно для концентрации. Мы здесь хотим прикоснуться к весьма тонким сферам, почувствовать энергетические волны, которые, подобно ветру, скоротечны и почти неуловимы. Это будет похоже на путе-

шествие, на дальнейшее плавание к прекрасным островам, – он продолжал говорить своим мелодичным, низким голосом, и ощущение потери пространственно-временного континуума у меня еще больше усилилось. – Как в любом путешествии, мы должны соблюдать определенные меры безопасности, чтобы доплыть до места в целости и сохранности. Мы не можем высаживаться с корабля во время плавания. У нас будут специальные остановки – брейки, чтобы вы могли передохнуть и перевести дух. Иногда может случиться шторм, – нараспев говорил он. – Но вы же не станете выпрыгивать с корабля посреди океана, даже если корабль шатает и штормит.

– Не самая лучшая идея, – кивнул один из двух имеющих в наличии мужчин, если не считать самого целителя. Аудитория расхохоталась, и атмосфера внезапно разрежалась, ощущение, что вокруг поют чарующие сирены, исчезло.

– Итак, брейк! – Страхов хлопнул в ладоши и отпустил меня, отвернулся и принялся доставать что-то из своего рюкзака. Кто-то встал и вышел, чтобы использовать предоставленный брейк по назначению. Кто-то просто сидел и смотрел в одну точку, то ли пытаясь сосредоточиться, то ли уже провалившись в какую-то нирвану от одного только вида целителя. Без сомнения, он обладал странной силой, я могла ее чувствовать в его взгляде. Будто бы он сканировал меня, а я ничего не могла с этим поделать и никак от этого защи-

титься.

– А вы не пойдете? – спросил вдруг он. Я замотала головой, потому что слова почему-то вдруг застряли где-то в гортани. Целитель Страхов усмехнулся. – Следующий брейк через два часа.

– Я... поняла.

– Вы что-то слишком волнуетесь. Дайте-ка руку. – И он протянул ко мне свою ладонь. Это было так странно, так непривычно. Даже с Пашкой мы редко прикасались друг к другу, во всяком случае, не так. Мы могли лежать рядом, целоваться, могли заниматься любовью, смеяться, но мы никогда не держались за руки на людях, никогда не стояли на эскалаторе обнявшись. Другие девочки обожали это, но мы с Пашкой оба считали все это каким-то слюнявым выделением.

– Дайте-дайте, не бойтесь, – усмехнулся Ярослав. Я протянула ему свою руку, и он взял ее, накрыл второй ладонью сверху и сделал глубокий вдох. Его руки были теплыми и мягкими, мои – ледяными. Страхов сидел с закрытыми глазами и равномерно дышал, мне же не давался даже короткий вздох, будто я оказалась на высоте восьми тысяч метров над уровнем моря. Мне было трудно дышать, трудно было сидеть так близко и смотреть на расслабленное, спокойное лицо передо мной, и я втайне захотела, чтобы он разжал свою хватку и выпустил меня.

– Я никогда не была в таких местах, – сообщила я и за-

чем-то прибавила, что не очень-то верю в эзотерику.

– Главное, не то, во что вы верите, а то, что вам известно наверняка, – неожиданно ответил он. – Вам нужна помощь.

– Вы видите это? – поразилась я.

– А вы – нет? – Ярослав усмехнулся и склонил голову набок. Уф-ф!

Девочки уже начали возвращаться с брейка, а мы все так и сидели с переплетенными руками. Он – совсем как Будда. Или какой-нибудь йог. Потом он неожиданно спросил у меня позволения заглянуть в мой внутренний мир.

– Можно? – спросил он так, словно если бы я не разрешила, он бы никогда не стал туда смотреть. Я пожала плечами.

– Смотрите, конечно. Только там нет ничего особенного.

– Вы ошибаетесь. Все люди особенные. А уж вы – без сомнений, – внезапно сообщил он. Я оживилась. Интересно, где он это увидел? По-моему, это стало интересно не только мне, но и всем присутствующим в зале.

– Что ж, спасибо, – сказала я, не представляя себе, что еще я могу сказать. – Спасибо большое.

– За что вы благодарите? Я не сказал, принесет вам это счастье или нет, – довольно резко оборвал меня Ярослав. – Вы Водолей?

– Что? – вздрогнула я и вырвала свою руку из его ладоней. Кровь прилила к моему лицу. Я ведь действительно Водолей. Как говорит Пашка, типичнейший, хоть и родилась ближе к концу, 16 февраля. Откуда он мог узнать?

– Это написано у вас на лице, тут не могло быть никаких сомнений, – продолжил Ярослав. – У вас также есть немного огня, но вы тушите его своей водой. Вы не должны этого делать. Водолей несет воду другим, не себе. Вы воздушный знак, и ваш огонь только разгорится в прекрасный источник света, если вы захотите. Не бойтесь своей силы, бойтесь остаться без нее. Ладно, приступим, да? – Ярослав резко оставил меня, отвернулся и перебрался обратно в центр зала, устроившись так, что я оказалась практически за его спиной.

– Да, начнем! – прошелестело по залу. Люди настраивались, растягивали суставы, как перед физкультурой, повторяли какие-то фразы, а я еще несколько минут не могла унять дрожь в руках. Как он это сделал? Как он узнал, что я Водолей? Он что, действительно подключился к моему биополю? Через руки? Как утопающий, я бросила взгляд на тетку и кивнула на Страхова. Потом показала на себя и снова на него. Тетка покачала головой. Нет, она ему ничего не говорила.

– Он еще и не такое может, – прошептала тетка одними губами.

Занятие началось. Сначала мы пели хором звук «ом», затем водили по воздуху ладонями, пытаясь понять, где проходят теплые волны, а где холодные. Имелась в виду не температура воздуха, конечно, а насыщенные и ненасыщенные

информационные поля.

– Я ничего не чувствую, – призналась я тихо после нескольких минут бесполезного размахивания руками.

– Это придет, – заверила меня тетка. – Поначалу канал заблокирован у всех. Это нормально.

– Ладно, – покорно согласилась я. Закрыла глаза и приблизила одну ладонь к другой и попыталась расслабиться. Тепло и какое-то напряжение было, но внезапно я почувствовала что-то. Я открыла глаза и увидела его снова совсем рядом. Он не прикасался ко мне, но я словно оказалась под тепловым куполом, кровь забурила, и стало жарко, почти непереносимый жар.

– Давайте попробуем вместе, – предложил мне Ярослав. Мысль о том, что он снова рядом, так близко, была и пугающей, и чарующей одновременно. Я вдруг испугалась, что он сможет свободно читать мои мысли. Я могла бы смотреть в его глаза вечность. От него пахло какими-то странными, приятными ароматами то ли цветов, то ли свежескошенной зелени.

Ярослав предложил мне встать, потом попросил меня развести руки и повторять все его движения. Потом он попросил закрыть глаза. Я подчинилась. Страхов включил тихую странную музыку. Это был и не танец, и не медитация – что-то необъяснимое. Он стоял прямо за мной, не прикасался ко мне, но я чувствовала каждое его движение, даже его дыхание – мятное, свежее. Что это за инструменты? Волынки?

Альты? Почему он не возьмет меня снова за руки? Мне вдруг до зарезу захотелось повернуться и посмотреть на него. Захотелось остаться с ним в этой комнате вдвоем.

– Вы чувствуете? – спросил он меня.

– Да, чувствую, – ответила я, хотя и не вполне понимала, что он имеет в виду. Волны тепла были настолько обжигающими, что все мое лицо горело. Уверена, что у большей части людей в данной комнате тоже есть это странное, почти необъяснимое отношение к Ярославу. Каждая здесь хочет ему понравиться, каждая, независимо от того, молода она или стара, замужем или нет, любит она кого-то или только мечтает полюбить. Даже мужчины, пришедшие на семинар, зажигались, когда Ярослав подходил к ним и что-то показывал. Это называется – внутренний огонь.

– Когда-то на свете жил один человек, его звали Ашраном. Это было его имя, и с древнего языка оно переводилось как меняющий мир. Ашран был умен, – Страхов отошел от меня и заговорил своим проникновенным голосом. – Ашран был талантлив. И вот настал день, когда Ашран покинул свой дом в поисках дороги, идя по которой, он сможет поменять мир. Он был совсем, как вы, Василиса, в тот день, когда он покинул дом.

– Что? – вздрогнула я.

– Вы же тоже покинули свой дом, да?

– Да, – кивнула я.

– Я вижу раскидистый дуб и вас, всего десяти лет. Вы со-

бираете желуди. – Он сделал паузу, а я застыла на месте, потрясенная до глубины души. Перед моими глазами встал наш с мамой желтый домик в пять этажей в центре Ярославля. И дубовая роща перед домом. Это же просто невозможно, чтобы он об этом узнал. Я любила играть с желудями. Он увидел меня ребенком. Он видит меня.

– Все так, – пробормотала я, не зная, что еще сказать. Ярослав просто кивнул и продолжил рассказ:

– Ашран скитался пятьдесят лет, он видел царей и видел пророков, он стал богат, он повидал весь мир, а однажды ему даже удалось начать одну войну, о чем он потом сожалел. Ашран вернулся домой старым и уже не хотел менять мир. Но когда он вернулся в родные края, люди встречали его как героя. Они слышали о нем много волшебных историй. Волшебство притягивало их. Люди поклонялись ему, как звезде. И встретили Ашрана, и накрыли столы, и спросили его, что же главное в мире и что ему удалось изменить. Есть ли самая важная мудрость, которую он познал за жизнь. И что за ценности привез из дальних стран.

Ярослав Страхов отвернулся от меня и отошел на другой конец зала, и сразу стало холодно и пусто. Он больше не улыбался, в комнате царил полумрак, и все молчали, погруженные в себя.

– Ашран рассказал, что однажды он подслушал разговор на переправе, где ждущие лодку путники развлекали себя игрой в кости. Один постоянно проигрывал, а другой выигры-

вал и выигрывал много кругов подряд. Тогда один спросил другого, как тому всегда удастся выигрывать в этой игре. И путник ответил, что это происходит оттого, что ему этот выигрыш безразличен. Тогда второй игрок, который проиграл уже немало денег, спросил, как же такое может быть. Как же может быть выигрыш безразличен? – Страхов остановился на минуту, а затем предложил нам самим ответить так же, как ответил путник, рядом с которым ждал лодку Ашран.

– Он сказал – деньги ничего не могут купить! – тут же предположила тетка.

– Нет, Любовь. Он ответил не так, – покачал головой Ярослав. Я заинтересовалась.

– Он ответил, что у него и так много денег? Что его больше интересует духовность? – спросила Света.

– Сожалею, но он не это сказал. Что думаете вы? – и целитель Страхов посмотрел прямо мне в глаза. Я вздрогнула.

– Я не знаю, – ответила я, совсем как школьница, пойманная с невыученным стихотворением. Страхов улыбнулся.

– Именно так!

– Что? – ахнула тетка. – Что так?

– Именно так он и ответил. Он сказал – я не знаю, отчего мне безразличен выигрыш. Наверное, я родился таким. Но потом путник добавил, что он играет не ради выигрыша, а ради удовольствия от игры. В любом случае, сказал он, разве можем мы в этом мире что-то выиграть? Все, что нам доступно, – это сесть у парома и сыграть в игру, пока не при-

шла лодка.

В комнате воцарилась полнейшая тишина, все впитывали информацию. Затем один из двух мужчин вдруг поднял руку и с горящим взглядом потребовал разъяснить ему это. От чего же нельзя выиграть? Бывает же, везет людям. Тому же путнику ведь везло, он ведь выигрывал.

– Но что есть цена этого выигрыша, если он все равно смертен? Жизнь – игра, в которую можно играть, но нельзя выиграть. Николай, вы были игроком. Вы выигрывали?

– Да, случилось, – кивнул мужчина, помрачнев от того, в каком направлении пошел разговор.

– Нет. Вы выиграли, только когда прекратили играть ради денег, – жестко поправил его Страхов. – Выиграли время, которое у вас отнималось. Вот и Ашран понял, что мир всегда остается неизменен. Слепец тот, кто думает, что может что-то выиграть или проиграть. Мир нельзя изменить, но можно к нему прикоснуться, сказал Ашран. Это и есть главная мудрость. Но ведь у нас остался еще третий вопрос. О самой главной ценности жизни.

– Что сказал Ашран? – спросила Светлана. Страхов посмотрел на нее с одобрением.

– Вы все еще работаете на тридцать восьмом этаже, Светлана? – спросил он.

– Да.

– Это хорошо. Ашран сказал, что главная ценность в ми-

ре — это люди, которые наполняют твое сердце трепетом. Нет ничего важнее людей, которых ты любишь всем сердцем. Нет ничего страшнее потерять всех, кого ты любил. Ашран ушел от людей, которые наполняли трепетом его сердце, уже очень, очень давно. Он думал, что вернется и сможет показать своей матери и своему отцу, чего он добился. Но Ашран их так никогда больше и не видел. Когда он вернулся, его родители уже умерли.

Все загудели одобрительно, напряжение спало, и люди принялись делиться какими-то своими мыслями, историями из жизни, своей или каких-то знакомых. А я почувствовала, как дыхание мое сперло от подступивших к горлу рыданий. Я захотела вскочить и выйти отсюда, из этой комнаты, и больше никогда не возвращаться. Теперь он меня пугал, этот Страхов. Меня била дрожь. Я знаю, что он рассказал это все только для меня. Поэтому-то он и спрашивал меня о том, как я покинула дом. Да, я уехала, думая о том же самом — как вернусь домой, к маме, как буду взрослой, самостоятельной, буду журналистом. А теперь ее нет, и все это кажется таким бессмысленным и страшным. Мама умерла несколько месяцев назад, и я до сих пор не могу отделаться от ядовитого, разъедающего меня изнутри чувства, что она умерла из-за меня. Если бы я была рядом, я бы сумела ее спасти. Моя черная полоса. Глупая уверенность в том, что люди живут вечно и что у меня еще будет время.

Словно услышав мои мысли, Страхов обернулся ко мне. По моим щекам текли слезы. Я подумывала о том, чтобы вернуться и убежать, но он перехватил мой взгляд.

– Нет. Вы не можете. Сейчас – шторм, мы посреди океана. Уйдете – утонете.

– Это непереносимо, – выдавила я и упала на пол, уткнувшись лицом в колени. Страхов сел рядом и тихо заговорил:

– Жизнь – океан, ананта. Не горюйте, Василиса. Никто не уходит насовсем, все они здесь, рядом с нами, – сказал он и протянул мне платок.

– Она рядом? – спросила я, как утопающий хватается за соломинку, когда вокруг него бушующий океан.

– Конечно, рядом. Она всегда будет рядом с нами. Расскажите нам, – Страхов ласково провел рукой по моей кисти, затем ослабил хватку.

– Что говорить? – растерялась я.

– Что вас мучает?

– Мама. Она... – Слова вдруг полились рекой, я не могла остановить этот водопад, я только плакала, говорила и цеплялась за руку Страхова. – Полгода назад, даже меньше. Это случилось внезапно. Я хотела приехать после зимней сессии, но как-то не сложилось. Мы с Пашкой ездили на каникулы в Красную Поляну, я думала, приеду домой на все лето. Но ее уже не стало.

– Я знаю, знаю, – кивнул Страхов. – Она тоже знает. Не нужно изводить себя.

– И черная полоса, – тараторила я. – Все началось после смерти мамы. Я никак не могу в себя прийти.

– Вы никак не можете себя простить. Но разве в вашей власти изменить хоть что-то? Вы можете только играть, но не можете выиграть. Но это такая удивительная игра! Она ушла – потому что пришло ее время.

– Правда? – всхлипнула я, чувствуя желание рыдать и рыдать без конца. Страхов ничего не ответил.

– Объявляю второй брейк! – сказал он и хлопнул в ладоши.

Потом он ушел. Кто-то остановил музыку. Кто-то подошел ко мне, обнял и принялся говорить слова сочувствия, я смутно помню, кто это был и что это были за слова. А вот тепло я помню. Оно действительно полилось откуда-то извне, и ладони мои стали теплыми, как и слезы, продолжавшие течь из моих глаз. Клянусь, в тот момент я могла почувствовать это незримое присутствие моей матери рядом. И это был первый раз за полгода, когда я плакала так свободно, так бурно, и мне не было ни стыдно, ни грустно. Словно какую-то ужасную ношу взяли и сняли у меня с плеч. «Она знает. Не нужно больше изводить себя». Время перерыва истекло, а я чувствовала, что моя аура уже выглядит совершенно иначе. Тетка ободряюще похлопала меня по плечу. Страхов вернулся и снова попросил всех занять свои места. Семинар продолжился.

Дома, вернее, в том месте, которое мы с Пашкой теперь именовали таковым, я перебирала в памяти все слова и действия целителя Страхова. То, что он делал, то, что он мог видеть и чувствовать, было совершенно необъяснимым. Если бы я попробовала кому-то рассказать о том, что произошло на занятии, мои слова выглядели бы странными и необидительными. Определенно, этот человек что-то может.

– Значит, тебе понравилось? Ты пойдешь еще? А сколько это будет стоить? – Пашка смотрел на вещи рационально, точно так же, как и я еще сутки назад. Мы лежали на матрасе, положенном прямо на полу в небольшой комнатке с толстенными стенами, и болтали. Из мебели в комнате имелись только маленький столик из Икеи, настенная полка, стоящая на полу, и старый, выдавший виды гардероб, щедро украшенный наскальной живописью неизвестного авторства – кто-то явно неправильно понял, как следует применять знания, полученные в кружке выжигания и резки по дереву.

– Он произвел на меня впечатление. Серьезно. Он знал, кто я по гороскопу, знал, что у меня черная полоса, что мама умерла...

– Все, кто к нему приходит, испытывают какие-то сложности. У всех вас там черные полосы, – прокомментировал Пашка и потянулся через меня за чашкой с чаем, которая стояла прямо на полу. То, что у нас нет кровати, было, конечно, неприятно, но матрас был большой, двуспальный, высокий, и лежать на нем было даже комфортнее, чем на об-

щажных кроватях.

– В каком-то смысле, ты прав. Но все же это не то, что меня поразило, – возразила я.

– А что тебя поразило?

– Я не знаю, как тебе это объяснить. Просто поверь, я пришла к нему в одном состоянии, а ушла в совершенно другом. И изменение это – огромное.

– Тебе лучше или хуже? А как тебе вообще сам целитель? Сколько ему лет? У него есть хрустальный шар и все такое? – выпрашивал Пашка. И чем больше он спрашивал, тем меньше я хотела ему рассказывать. Пашка не мог понять того урагана, который снес мне крышу на сеансе в центре эзотерики. Как объяснить, что я до сих пор чувствую на себе этот странный, пронизывающий взгляд человека, подобного которому я никогда не встречала. В нем было что-то манящее, но также в нем имелось что-то пугающее до печенок. Сила, противостоять которой невозможно. Не слишком комфортное чувство, что ты стоишь перед этим молодым привлекательным мужчиной будто голая. И даже не обнаженная, а больше, как открытая книга, и он читает в тебе даже то, что ты предпочла бы скрыть. Почему-то я не стала рассказывать Пашке о том, как чертовски красив и молод Страхов. И как все женщины нашей группы буквально с ума сходят по нему. Вместо этого я рассказала ему про мужчину из нашей группы, который был игроманом и из-за этого потерял семью. Только после того, как он встретился со Страховым, он смог

бросить автоматы.

– А это не совпало по времени с тем законом? Когда у нас запретили все игровые автоматы? – вставил Пашка.

– Ты невыносим. На все можно смотреть цинично и без доверия, но разве это важно? Я понимаю, к чему ты клонишь, но не знаю, что тебе сказать. Мне показалось, что он и вправду необычный. И он помог мне. И видел вещи, которые никто про меня не знает. А выглядит он вполне нормально, никаких черепов, кровавых чаш и карт таро. У него, кстати, даже есть планшет.

– Ого, это уже интересно. Колдун и технологии. Целитель Страхов. Хороший псевдоним. Так он даст тебе интервью? – Вопросы, вопросы, вопросы. Я пожалела, что Пашка не хочет спать. Я бы предпочла сейчас закончить этот разговор, слишком уж все было сложным для меня самой. Как можно взять интервью у такого человека? Захочет ли он его дать? Не станет ли моя жизнь еще сложнее, если я поддамся порыву и пойду навстречу своему ненормальному желанию увидеть, услышать его еще раз. Его глубокий, умный, цепкий взгляд до сих пор стоял перед моими глазами. Я никогда не встречала таких мужчин, но даже если бы встречала – мне таких не видать. Куда уж мне.

Словно себе назло или в тщетных попытках что-то кому-то доказать, я повернулась на матрасе, уселась рядом с Пашкой в позе лотоса и медленно стянула с себя майку. Паш-

ка моментально утратил интерес как к теме моего семинара, так и личности, возрасту и внешности моего гуру. Он приподнялся на локте, глаза его загорелись, рука потянулась к моей груди. Его нежные руки странствовали по моему телу, но движения его были знакомыми, привычными. Мы так хорошо знали друг друга, хорошо изучили тела друг друга, и чувство наслаждения каким-то необъяснимым образом сочеталось с ощущением моей полнейшей безопасности. Пашка не оригинальничал, никогда ничем не удивлял в постели, и если для кого-то это было плохо, то для меня – хорошо.

– У тебя чудесные глаза. Тебе хорошо? – спросил он, как и всегда спрашивал, так как не считал возможным полагаться на собственные впечатления.

Мне было хорошо. Пашка был высоким, симпатичным, его тело было гибким и сильным, его объятия были страстными, а поцелуи нежными. Я смотрела на его напряженное лицо, ритмичнодвигающееся надо мной, и думала, как мне с ним повезло.

И что я обязательно попробую взять интервью у гуру. Это выше моих сил, я должна увидеть эти невообразимые, колдовские черные глаза целителя Страхова еще раз.

Глава 5

Встреча была назначена мне в «Городе». «Город» – это такое кафе на Кутузовском проспекте, дорогушее, как и большинство кафешек такого плана в Москве. За своеобразный и, откровенно говоря, сомнительный дизайн, выраженный в досках на стенах, каких-то любительских картинках и фотографиях странных людей, брали сверху. Я знала это место, поэтому сразу решила держаться схемы Шарапова из «Место встречи изменить нельзя» – заказала кофе и забралась в дальний угол на втором уровне. То, что целитель Страхов согласился со мной встретиться, было следствием долгих уговоров, упрасиваний и ложных обещаний. Ярослав Страхов вовсе не стремился дать мне интервью, хотя обычно народ бегом бежит, чтобы поделиться своим мнением с неограниченной аудиторией «Новой Первой». Люди любят делиться мнением, но Страхов согласился встретиться со мной, «а там поглядим», что было тоже поводом для моих нервов.

Он появился, когда я уже почти прикончила чашку и грустила на тему того, что придется заказывать еще и вторую.

– Вот вы где, куда забрались, – ухмыльнулся он, пробираясь ко мне сквозь плотные ряды столов. – А я уже подумал, что вы ушли.

– Ну что вы! – покачала головой я, пытаюсь определиться, он рад тому, что я не ушла, или это его огорчает.

– Значит, вы журналист? Не люблю журналистов, – снова улыбнулся он. Главное – хорошо начать, верно? И после такого вот ободряющего начала Страхов взял и подсел ко мне. Он сел не напротив, через стол от меня, почему-то он решил сидеть на одной стороне со мной, очень близко, так, что рукав его футболки касался моего плеча.

В Москве установилась невыносимая жара, и Ярослав Страхов пришел на встречу в традиционной для москвичей одежде – в длинных шортах с большим количеством карманов, в футболке-поло и в спортивных босоножках. О, никто и ни за что не смог бы заподозрить его в принадлежности к клану хиппи или предположить в нем какие-нибудь паранормальные способности, в нем не было буквально ничего эзотерического. Пляжный плейбой: длинные ноги, загорелые руки и белозубая улыбка – и все это прямо в нескольких сантиметрах от меня. Я вдруг почувствовала себя невыносимо уродливой в деловом костюме и с моим рыжим чемоданом на коленях. У Страхова с собой не было даже сумки – свой планшет он держал в руках. Человек живет налегке, и вид у него такой же, беззаботный и счастливый.

– Итак, Ярослав... – я выждала, чтобы Страхов смог добавить к имени свое отчество.

– Зовите меня просто Славой, так будет удобнее. Братья из монастыря дали мне это имя, и не факт, что оно – мое, но я ношу его в знак благодарности. Как-никак, а они спасли мне жизнь.

– Так это все правда?

– Что именно? – улыбнулся Страхов.

– То, что с вами случилось? Что вас нашли на дороге и выходили в монастыре? Что из этого правда, а что вымысел?

– В общем-то, все правда, – его ответ прозвучал просто и естественно. Я отвела глаза от его внимательного взгляда. Что тут скажешь? Все – правда?

– Вы поддерживаете с ними связь? С монахами, я имею в виду? Где это случилось?

– Вы хотите проверить мою историю? – с пониманием кивнул Ярослав. Слава. И мне сразу стало как-то неудобно.

– Я просто... не в этом дело... – забормотала я, но он меня прервал:

– Да, я понимаю, как это звучит, но именно так все и было. Меня подобрали в придорожной канаве на шоссе недалеко от Байкала. Хотели отвезти в больницу, но монастырь был ближе. Я до сих пор не знаю, что именно произошло. Что со мной случилось. Иногда мне снится что-то такое. Какой-то длинный мост, и я вижу свою кровь, она течет у меня по виску и по рукам. Много крови, все ладони в собственной крови. Но это – все.

– Извините, – пробормотала я внезапно охрипшим голосом. Он рассказывал об этом так, словно такое может произойти с кем угодно. И я подумала, что ведь на самом деле с людьми происходит много странного и страшного. Достаточно включить НТВ и посмотреть любую из их программ. Лю-

ди исчезают, умирают. И много необъяснимого, с чем потом приходится просто жить. – Вам, наверное, трудно об этом говорить?

– Ничего. Не волнуйтесь, я уже давно привык к тому, какое впечатление эта история производит на людей. Я бы заказал чаю. Вы обедали?

– Ой, да, конечно. Простите. Да, уже обедала, – я смутилась, подтолкнула к нему меню и сглотнула, непроизвольно. Я, конечно, обедала. Вчера. А утром пила чай – единственная условно съедобная вещь, которую мы привезли из общаги. Мы с Пашкой еще не закупились продуктами. Неподалеку от нашей коммуналки был только один супермаркет, но, как и в большинстве подобных магазинов в центре, цены там были такие, что и на овсянку мы набирали денег с трудом. Пока что было решено дожидаться выходных и поехать в большой гипермаркет на окраину. А до тех пор перебиваться хот-догами.

– Ага, я так и понял, – ухмыльнулся Страхов и принялся листать меню.

– Да, и спасибо большое, что согласились на интервью, – добавила я, чтобы как-то сменить тему. Страхов снова припечатал меня к стулу этим странным взглядом с бесенятами где-то в глубине его черных глаз. Потом он ослабил хватку и вернулся к меню.

– Я не сказал, что я согласился, – весело заявил Страхов.

– То есть... Вы не дадите мне интервью? – опешила я.

Черт, а я уже согласовала тему с редакторами.

– Давайте просто поговорим, узнаем друг друга, а потом решим. В любом случае, сначала я должен понять, какого рода информацию вы собираетесь публиковать. Я, видите ли, всегда опасаюсь искажений. И еще больше опасаюсь плохих журналистов.

– Вы можете потом взглянуть на уже готовое интервью. И поправить все, что вас не устроит.

– Я знаю, да, но меня это не устраивает, – кивнул Страхов и снова посмотрел на меня одним из своих долгих, изучающих взглядов, от которых у меня возникало стойкое ощущение, что он читает мои мысли. Кстати, это был один из моих вопросов. Умеет ли он читать мысли.

– Я не понимаю, – окончательно растерялась я. – Так что же вы хотите за интервью? Денег?

– Боже упаси, – расхохотался он. – Если быть честным, я просто уверен, что интервью у нас не получится. Я еще ни разу не встречал журналиста, которому бы мне захотелось дать интервью. Но сказал себе – от тебя не убудет, придешь, послушаешь вопросы Василисы, а потом уже решишь. Я не нашел никакой особенной информации о вас в Интернете. Так в какой газете вы работаете?

– «Новая Первая», – я теребила край бумажной салфетки/меню, чувствуя, как нервничаю все больше и больше. Интервью накрывается медным тазом. Каких вопросов он от меня ждет?

– Я тоже не нашла никакой особенной информации в Интернете о вас, – ответила я с вызовом, особенно подчеркнув слова «о вас». – Только то, что размещено на сайте центра.

– Потому что я-то никогда не стремился к публичности. Скорее, наоборот. – Страхов улыбнулся и как бы случайно задел мою руку, протягивая свою к лежащей на столе барной карте. Я глубоко вдохнула и с новой силой принялась терзать салфетку. Он был слишком уверен в себе, слишком насмешлив и сидел очень близко ко мне, так близко, что я чувствовала запах его туалетной воды, тот же самый, который я почувствовала на семинаре, когда Страхов склонился ко мне и взял меня за запястья. Я определенно теряла голову в его присутствии.

– Вы не будете возражать, если я включу диктофон? – спросила я, хватаясь за чемодан. Страхов покачал головой.

– Если вы считаете, что это нужно. Однако, если наш разговор меня разочарует, вы при мне уничтожите файл, договорились? – Страхов посерьезнел.

– Хорошо, – грустно кивнула я, а про себя подумала – футы ну-ты, звезда какая. Официантка подошла, подхватила к себе на поднос мою чашку и спросила, не нужно ли мне повторить кофе. Я покачала головой. В этом заведении для меня дороговат даже кофе.

– Вы что пьете? Кофе? Вы знаете, что кофе – энергетически неправильный напиток, впрочем, как и черный чай. – Страхов взмахнул рукой и заказал большой чайник облепи-

хового чая с медом и пару клубничных пирожных.

– Вы любите клубнику? – уточнил он.

– Что? Я? Нет-нет, мне ничего не нужно! – запротестовала я, но официантка уже ушла, и протест затух, как огонь без доступа кислорода. Я покачала головой, затем принялась налаживать свой старенький боевой диктофон. Нажала кнопку, но последовавший за этим вопрос был задан не мной.

Страхов повернулся ко мне вполоборота, посмотрел мне в глаза, улыбнулся и спросил, как мне нравится жить в Москве. Я тут же смутилась. Еще одна деталь, внимание на которой, как и многие приезжие, не люблю акцентировать. Да и чем, в самом деле, я отличаюсь от москвички? Меня часто принимают за коренную жительницу столицы. Основные признаки – бег по улицам на сумасшедшей скорости, хорошая ориентация в метро и, главное, отсутствие улыбки и вечное недовольство ценами, людьми, толпами и вообще всем-всем-всем. Замешательство, наверное, было прямо написано на моем лице. Неужели по мне так сильно заметно, что я родом издалека? А потом я вспомнила наш семинар про ауру. Он же знал, что я покинула дом. Ясно же, что этот дом не может располагаться в Москве.

– Живу тут уже пять лет. Даже больше! – фыркнула я, отведя взгляд.

– Мой вопрос вас чем-то обидел? Я спросил просто так, – Страхов помедлил. – Хотите, чтобы я отвечал на ваши вопросы, но не хотите отвечать на мои? Почему? Ведь я даже

не собираюсь помещать это в газету. Вы должны быть откровенны со мной, мне не нужны никакие игры, в которые вы привыкли играть, Василиса.

– Дело не в этом, – замотала головой я. – Я просто не понимаю, откуда вы все это...

– Откуда я узнал все это? – Страхов рассмеялся. – Господи боже мой, да разве это тайна? Тут даже не надо никакого ясновидения, это написано у вас на лице. Во всяком случае, я такие вещи вижу. Ну что, квит про кво? Как в «Молчании ягнят»? – Он неожиданно прикоснулся рукой к моим волосам, заставив меня подпрыгнуть на месте от неожиданности. Он убрал прядь волос мне за ухо и кивнул на солонку на столе. Оказывается, мои волосы уже практически вывалились в соли.

– Простите, – снова я реагировала странно и невпопад, и все из-за этой его привычки касаться людей, сидеть с ними рядом, смотреть на них в упор своими магнетическими черными глазами. Почему он целитель? Ему надо было стать звездой, он бы затмил Киану Ривза и прочую старую гвардию Голливуда.

– Так как насчет «быть откровенной»? – переспросил он.

– Договорились, – я судорожно сглотнула слюну. – Итак, как мне в Москве? Честно говоря, дорого. Скажите, а это правда, что вы ничего не помните о своем прошлом? Я имею в виду, поняла, что вы не помните ничего об инциденте. Но, скажем, о своем детстве вы что-то помните?

– Хорошая подача, – одобрил Страхов. – Вы молодец. Но этого недостаточно.

– Почему это? – моментально ошетибилась я. – Для чего недостаточно?

– Для того, чтобы ваша мечта сбылась. Видите, Василиса? Иногда это бывает очень непросто – говорить людям то, что я знаю и вижу. Вы – самый обычный, посредственный журналист, и лучше бы вы выбрали другое направление в жизни. Но разве я порадуя вас таким комментарием? Самое обидное – крайне редко случается, чтобы такие откровения люди употребили себе во благо. – Ярослав сделал паузу, разлил нам по чашкам ароматный апельсиновый чай. – О детстве я мало помню, можно сказать, ничего. Я помню отдельные вещи о себе, но не имею никакой возможности их проверить. К примеру, помню свой год рождения, но не помню числа.

– И какой это год? – я решила спустить на тормозах его выпад про посредственного журналиста. Много он понимает в журналистике! Ему что, мой красный диплом показать?

– В прошлом году мне исполнилось 33 года, если только мое ощущение правильное. Знаете, это достаточно неприятное чувство – эдакое белое пятно по всей поверхности глобуса. Раньше я постоянно пытался что-то вспомнить, начинал нервничать, злиться. Но не мог – даже не знаю, откуда я родом. Вижу улицу, но такая улица может быть в любом городе. Как улица Строителей из фильма. О, фильм помню, хотя не помню, когда и с кем его смотрел.

– Значит, вы тоже не из Москвы? – поинтересовалась я.

– Может, нет, может, и да. В этом-то и ужас моего положения. Я как бы повис в воздухе. Никакой опоры. Вижу все про других, иногда даже слышу голоса их покойных предков. Но может быть, я каждый день хожу мимо собственной матери и не могу ее узнать!

– Но она-то ведь вас узнала бы! – возразила я. – Сколько лет уже прошло?

– Много, – задумчиво протянул он. И замолчал, помешивая чай, в который не клал сахара. – Знаете, возможно, вы правы. За столько лет меня бы кто-то увидел. В милиции есть мои данные. Но ведь тогда получается, что у меня никого нет. Но я не хочу допускать такую вероятность. Мне нравится думать, что меня когда-нибудь найдут.

– А меня уже никто не найдет, – сказала я очень тихо.

– Я знаю, видел, – грустно кивнул Страхов. – Ваша мама.

– Что это значит, что именно вы видели? – взволновалась я. – Как вообще это работает? Вы правда можете ее увидеть? Прямо сейчас? Вы можете ей что-то сказать?

– Вы родились на рассвете? В первой половине дня? – как водится, на самом интересном месте Страхов замолкал и отвечал вопросом на вопрос. Я начала злиться. Конечно, он тебе не скажет. А если бы сказал, разве ты бы поверила? В то, что он общается с твоей покойной матерью, которую ты так редко навещала при ее жизни?

– Мама родила меня в одиннадцать утра, – ответила я ско-

рее злобно. — Какое это имеет значение? Я не верю в гороскопы, там всегда одна вода и ерунда.

— А во что вы верите, Василиса? — заинтересовался Страхов. — Расскажите мне об этом.

— Я не знаю, во что я верю, — вздохнула я.

— Люди — забавные создания. Чаще всего они верят в то, во что им удобно верить в данный момент. Или в то, что кажется им самым важным. Значит, вы стремитесь к успеху. А в чем он выражается? — продолжал пытаться меня Ярослав.

— Ну, это достижение определенных... м-м-м, — я хотела сказать, успехов, но поняла, что получится полная ерунда. Успех — достижение успеха.

— Но вы, конечно же, верите в любовь, — то ли спросил, то ли заявил он. Повисла пауза. Я подумала про Пашку, который сейчас штурмует здание суда, чтобы позже состряпать статью про шумное дело об избииении велосипедистки одной из наших дутых московских звезд. Любовь? Могу ли я сказать, что верю в любовь? Конечно, ведь у меня есть Пашка.

— Пожалуй, нет. Не в том смысле, в котором обычно в нее верят девушки, — заявила я. — Не верю в любовь с первого взгляда. Не верю в судьбу и не верю в то, что любовь может длиться вечно, — я замолчала и посмотрела на Страхова. Он смотрел на меня теперь с неподдельным интересом.

— Все девушки верят в любовь, а вы, значит, нет. Но верите в успех, который для вас значит достижение определенных... м-м-м? — Страхов откровенно смеялся надо мной.

– Я хочу состояться в жизни. Что в этом плохого?

– Это я понял, – кивнул он. – Но это ведь не может сделать вас счастливой. А вы же не слишком-то счастливы, да? Василиса, я не знаю, как вам это объяснить, но вы сейчас определенно находитесь вне потока. Как бы не на своем месте. Я вижу это, потому что вы тоже как бы висите в воздухе, у вас нет опоры, понимаете?

– Вы и это видите? – вытаращилась я, но он проигнорировал мой вопрос.

– Вокруг вас образуется определенное поле, пустота. Такие вещи я вижу, когда прохожу мимо бездомных людей. Вы не бездомная, нет. Но определенно какая-то потерянная, – Страхов говорил прищурившись и сканируя меня. Потом остановился и как ни в чем не бывало потянулся к пирожному. Бездомная? Ярослав никак не мог знать, что я живу в этой мерзкой коммуналке, в которой чувствую себя именно бездомной. Я живу в ней всего пару дней! Да что там, он вообще ничего обо мне не знает. И все же знает слишком много. Абсурдно много.

– Значит, все началось, когда умерла ваша мама. Но что же именно стало происходить?

– Хватит, – прошептала я. – Я больше не могу. Как вы это делаете?

– Правильный вопрос – что должны сделать вы, верно? – Голос Страхова стал тише, глубже и словно проходил сквозь вату. – Где ваш отец?

– У меня нет отца, – одними губами прошептала я. Он взял мои ладони в свои руки и ласково улыбнулся.

– Отец есть у всех. Если вы его не знаете, это не значит, что его нет, верно? Просто ваш отец – он не связан с вами по-настоящему. Ваша мать его отделила от вас. А теперь, когда ее нет... Что вы о нем знаете?

– Он... я даже не знаю, кто он, – всхлипнула я. – Наверное, сто лет как умер.

– Нет, не умер. Он жив. И вы с ним встретитесь однажды.

– Я никогда не встречусь с ним. Это просто невозможно! – Я была потрясена. От этого даже вскочила со своего места. – Отец был просто мужчина, с которым мама познакомилась на курорте давным-давно. Одна ночь – и все. Я не знаю его имени, а он не имеет ни малейшего понятия о моем существовании. Мы никогда не встретимся.

– Видите! – усмехнулся Страхов. – Что я могу поделать? Я говорю то, что вижу. А вы имеете дело с тем, во что верите. А верите в то, что сказала вам мама.

– Что? – вытаращилась я. Страхов нахмурился и долго молчал, уткнувшись в свою чашку. Потом посмотрел на меня и вздохнул.

– Вы что, никогда не знали, что людям свойственно врать? Нет, Василиса, это не было романом на одну ночь. Это была любовь, та самая, в которую вы не верите. Но у вашего отца была жена, семья, и ваша мать решила ее не разбивать. Разве это не в ее характере?

– В характере, – прошептала я. – Сколько раз я просила маму рассказать хоть что-то об отце, но она только пожимала плечами и говорила, что нечего рассказывать. Случайная связь, даже лица-то его не помнит.

– Ваша мама совершила ошибку, она не должна была отрезать отца. Вам не хватает отцовской энергии, ведь ваш отец оказался выброшенным из вашего рода. Но это можно поправить, – Страхов пододвинул ко мне тарелку с клубничным пирожным и вложил в руки ложечку. – Ешьте, Василиса. И задавайте свои вопросы.

– Разве это возможно? Не понимаю, – спросила я и откусила кусок пирожного. Очень вкусное, очень. Господи, да я голодна, как черт!

– Сложно объяснить. Это как эхо, только не звук, а образы. Они вспыхивают и исчезают. Вы делали когда-нибудь УЗИ? Помните черно-белую кашу на экране?

– Вы можете ей дать знать, что я скучаю по ней и люблю? – внезапно попросила я. Страхов замешкался на секунду, а потом кивнул и сказал, что на самом деле могу сказать ей это и сама.

– Она услышит, тут не нужны сверхъестественные силы. Ну что, у вас закончились вопросы? – Ярослав улыбнулся и отодвинул пустую тарелку. Почувствовав вдруг, как невыразимо легко мне стало, я тоже рассмеялась и в один присест прикончила пирожное.

– Хотите еще? – спросил он.

– Нет, ну что вы, – покачала головой я. – Прямо не знаю, какие еще вопросы вам задать. Скажите, Ярослав, а вы счастливы?

– Первый хороший вопрос за все интервью, – одобрил Страхов. – Счастлив ли я? Пожалуй, да. Хотя... Иногда хотел бы жить, как все нормальные люди, заниматься чем-то. Жениться, завести семью.

– А что вам мешает жениться? – выпалила я и тут же загнулась, и густо покраснела. Страхов не упустил ни секунды от моего смущения, он буквально пришил меня к стулу своим взглядом, а потом усмехнулся и пожал плечами.

– Ничего, наверное. Кроме того, что рядом нет нужного человека. Это ведь совсем непросто – найти действительно «того» человека. Ну, да вам ли не знать, Василиса.

– Что вы имеете в виду? – удивилась я. Страхов снова решил не отвечать.

– Ну, что ж, Василиса? Чай мы допили. Давайте заключительный вопрос – последний шанс для вас и вашего интервью. Потом будем прощаться, да? – расставаться с ним категорически не хотелось. Я решила рискнуть.

– А вы можете сказать, о чем я сейчас думаю? – я постаралась закрыть свой разум от него, если только можно такие вещи вообще закрыть. Страхов отодвинул чашку и пустую тарелку, посмотрел на меня внимательно и почему-то с грустью.

– И это ваш вопрос? Вы позволите? – Он повернулся, про-

тянул мне руку и прислонился спиной к стене. Я подчинилась, чувствуя дрожь во всем своем теле. Все вокруг – и кафе, и люди вокруг, и шум от их сливающихся воедино разговоров – все отступило куда-то далеко, и остались только мы, я и целитель Страхов, и наши глаза, неотступно следящие один за другим. И его красиво очерченный, сильный мужской подбородок, крупный рот, алые губы, нижняя чуть пухлее верхней. Маленькая, еле заметная ложбинка на подбородке. Страхов что-то прошептал, но я не разобрала, что именно. И тут я вдруг поймала себя на мысли, что хочу, чтобы он меня поцеловал. Я постаралась сдержаться, чтобы хотя бы на лице эта мысль не отразилась. Но она отразилась, и Страхов резко отпустил мою руку.

– Не думаю, – сказал он, – что прилично озвучивать то, о чем вы сейчас подумали.

– Я ничего такого не думала! – упрямо возразила я, проклиная свои щеки за то, что они покраснели. Перед этой короткой мыслью о поцелуе я думала о своей работе, о месте, на которое так хочу попасть. То есть я хотела думать об этом. Но думала ли?

– Оставьте ваши мысли себе, – милостиво позволил он. – Лучше скажите, вы боитесь перемен, Василиса?

– Нет, не боюсь, – ответила я.

– Я так и подумал. Ну что ж, это хорошо, потому что они для вас неизбежны, – и он снова очаровательно улыбнулся. Перемены? Да я вас умоляю, только о них и мечтаю. Особен-

но если это перемены, которые позволят мне еще раз встретиться с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.